

У(С)(16

Л 34

В. ЛЕВАШЕВ

РЕФОРМА 1861 года

СБЛГИЗ КИЙБЫШЕВ
1940

298180

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

Кол-во предм. выдано _____

Т. „Ком. труда“ з. 888

W 864

В. ЛЕВАШЕВ

~~96516~~
~~1.34~~

9(с)(16)(с144)

134

РЕФОРМА 1861 ГОДА
В САМАРСКОЙ
И СИМБИРСКОЙ
ГУБЕРНИЯХ

298180

ЧИТАЛЬНЯ

335674

КУЙБЫШЕВСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

УЛЬЯНОВ

ДВОРЕЦ

УЛ. ЛЕНИНА

КУЙБЫШЕВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1940

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Положение крестьян накануне реформы	4
Как царь и помещики готовили «освобождение»	17
Реформа, ограбившая крестьян	27
Волнения среди бывших крепостных	39
«Устройство» удельных и государственных крестьян	57
Заключение	69

Редактор Д. Сергеев. Техн. редактор Д. Вышковский.
Корректор А. Ярошевская.

Сдано в набор 10 марта 1940 г. Подписано к печати 22 апреля 1940 г.
Облгиз № 2945. Индекс Эи-26. Уполн. облита К-6727. Формат
70×103/32. Печ. л. 2 1/4. Уч.-изд. л. 3. Тип. знаков в печ. л. 56 448.
Тираж 5000.

Цена 90 коп. Переплет 50 коп.

Типография им. Мяги треста «Полиграфкнига», ОГИЗ. Куйбышев,
ул. Венцева, 60. Заказ № 438.

ОТ АВТОРА

Цель настоящего очерка — дать в популярном изложении краткий обзор реформы 1861 года в бывш. Самарской и Симбирской губерниях. В центре внимания автора были местные события, условия и особенности проведения реформы в этих двух приволжских губерниях, из которых образовалась нынешняя Куйбышевская область.

Для настоящего очерка использованы главным образом архивные материалы самарских губернских учреждений. Важнейшие архивные фонды симбирских губернских учреждений повидимому погибли во время пожара 1864 года, уничтожившего почти целиком город Симбирск. Вследствие этого автору не удалось с достаточной полнотой провести сравнение характера реформы и местных условий ее проведения в двух соседних губерниях, и в очерке заметно преобладают самарские материалы.

Хорошо сознавая этот недостаток своей работы, автор надеется, что все же она не лишена интереса для широкого круга читателей.

Положение крестьян накануне реформы

Крестьянство России накануне реформы 1861 года делилось на три основных группы: государственных, удельных и крепостных. Последних называли также помещичьими, или владельческими крестьянами.

Государственными называли тех крестьян, которые жили на казенных землях, принадлежавших государству. Эти крестьяне формально считались «свободным сословием», их не продавали, как крепостных. Но в действительности экономическое и правовое положение государственных крестьян было очень тяжелое. Кроме подушной подати* они платили в казну также оброк, т. е. арендную плату за пользование казенной землей. Правительство распоряжалось личностью и имуществом крестьян, приписывая их к заводам или даря целыми селами и даже волостями помещикам, превращая таким образом своих «свободных» крестьян в крепостных.

«Пожалование» государственных крестьян помещикам было с 1801 года прекращено, но и после этого десятки тысяч крестьян были обращены в «военных поселян» или переданы в удельное ведомство.

* Подушной податью, введенной Петром I в 1718 году для покрытия расходов по содержанию постоянной регулярной армии, были обложены «податные сословия». К податным сословиям относилось все население, за исключением дворянства, духовенства, купечества и лиц, состоявших на государственной службе.

Государственные крестьяне имели свои органы «самоуправления»: в сельском обществе — сельский, или мирской сход, и ряд выборных должностных лиц (сельский староста, смотритель хлебного магазина, рекрутский отдатчик); в волости — волостной сход, волостного голову и волостных заседателей, составлявших вместе с писарем волостное правление. Для разбора имущественных споров между крестьянами, а также мелких уголовных преступлений существовали сельские и волостные расправы.

Все эти выборные лица и учреждения находились в полной зависимости от чиновников министерства государственных имуществ и, в конечном счете, были простыми исполнителями распоряжений этих чиновников.

По положению волостные головы избирались на трехлетие, в действительности же оставались на своих должностях в течение неопределенного времени, пока окружной начальник не находил нужным назначить перевыборы. Кандидатов на выборные должности намечала царская администрация, она же и утверждала выборы. Допускалось также назначение министерством государственных имуществ (через окружного начальника) подходящих с его точки зрения лиц «из благонадежных фельдфебелей и унтер-офицеров» на должность волостных голов.

Как сословие, считавшееся свободным, государственные крестьяне могли предъявлять иски и совершать акты не только в своих сословных, но и в общих судебных учреждениях, а также покупать землю и дома на стороне. Однако продавать эту землю и дома им разрешалось только лицам, принадлежавшим к сословию государственных крестьян. Для этих крестьян, как и для всех лиц «податных сословий», существовал целый ряд ограничений в правах, так, например, их не допускали на государственную службу, а детей

не принимали в средние и высшие учебные заведения.

Особенно невыносимы были для государственных крестьян притеснения чиновников, которые всячески злоупотребляли своим служебным положением.

Однако как ни тяжело было правовое и экономическое положение государственных крестьян, все же оно было несравненно лучше, чем положение крепостных, которыми помещики распоряжались как своим рабочим скотом. Земельные наделы были у них больше, чем у крепостных, и платили они сравнительно умеренный оброк.

Удельные крестьяне. В 1797 году Павел I издал «Учреждение об императорской фамилии», которым были определены порядок престолонаследия и круг лиц царской семьи, имевших право на престол. Эти лица получали попрежнему содержание от казны, а все остальные члены «фамилии» перешли на содержание за счет доходов от специально выделенных для этой цели обширных имений, названных удельными. Для управления этими имениями было создано удельное ведомство, подчиненное впоследствии министру царского двора.

Первоначально к числу удельных имений были отнесены дворцовые земли. Несколько позднее к ним присоединили значительное количество казенных земель, а также имения, купленные удельным ведомством у помещиков. Крестьяне, жившие на землях удельных имений, получили название удельных.

Права удельных крестьян были ограничены. Переход в другие сословия, например в мещанство, был крайне затруднен и обуславливался уплатой крупной суммы «выходных денег». Без разрешения администрации крестьяне не имели права отлучаться из своего села, заключать какие-либо договоры и сделки с посторонними или наниматься на работу к частным лицам и в учреждения. Вести какие-либо тяжбы в об-

щих судебных учреждениях они могли не иначе, как через посредство удельного стряпчего (должностное лицо при каждой удельной конторе). Лишь с особого разрешения администрации крестьяне могли покупать землю и дома у посторонних, но продавать это имущество им разрешалось только удельным же крестьянам. В период подготовки и проведения реформы удельные крестьяне указами от 20 июня 1858 года и 5 марта 1861 года были уравнены в гражданских правах с государственными крестьянами.

Так же, как и государственные, удельные села имели своих должностных лиц. Все земли удельного имения* состояли в ведении удельной конторы, которой были подчинены «приказы». Приказ по своим размерам и характеру деятельности равнялся волости государственных крестьян и объединял несколько сельских обществ.

На сельских сходах избирались сельские выборные (старосты) и десятские, а на сходах приказа — приказная администрация: приказный голова, казенный староста для сбора податей, приказный староста для наблюдения за порядком, «добросовестные» для разбора тяжб и споров между крестьянами. Выборы этих должностных лиц производились из кандидатов, намечавшихся удельной конторой. Приказные писари, игравшие особенно большую роль в мирских делах, назначались удельной конторой. Все выборные должностные лица были в полной зависимости от удельных чиновников и являлись простыми исполнителями их распоряжений.

* В состав удельного имения входили удельные земли двух-трех уездов, а иногда и целой губернии. В Самарской и Симбирской губерниях в 60-х годах были самарское, симбирское, сызранское и алатырское удельные имения. Удельные земли Николаевского и Новоузенского уездов, Самарской губернии, входили в состав саратовского имения.

Кроме обязательной для всех «податных сословий» подушной подати, удельные крестьяне платили оброк за землю, находившуюся в их пользовании. В 30-х годах прошлого столетия оброк был в большинстве приказов значительно повышен и переименован в поземельный сбор. Наделялись землей удельные крестьяне хуже, чем государственные, потому что у последних в соответствии с ростом количества населения происходило увеличение наделов за счет свободных казенных земель.

В 1835 году удельное ведомство передало казне свои имения в 18 малоземельных губерниях. Взамен оно получило от казны обширные земли в Симбирской губернии с населением свыше 200 тысяч ревизских душ государственных крестьян. Этим объясняется необычайно большое количество удельных крестьян в этой губернии при сравнительно ничтожном количестве государственных.

В конце 30-х годов на местах были созданы органы министерства государственных имуществ для управления государственными крестьянами и казенными землями, которые раньше находились в ведении казенных палат. В Симбирской губернии этих учреждений образовано не было, и немногочисленные государственные крестьяне были приписаны к ближайшим удельным приказам. И наоборот, в некоторых уездах (впоследствии вошедших в Самарскую губернию), где было мало удельных крестьян, последние были приписаны к волостям государственных крестьян.

Крепостные крестьяне. Власть помещиков над крепостными до 1842 года была почти неограниченной. Опубликованный в этом году «Свод законов» несколько сузил судебнопольнические права помещиков: они могли наказывать своей властью крестьян лишь за такие преступления, которые не влекли за собой лишения прав состояния, и только по делам крепостных между

собой или за проступки против самих помещиков, членов их семей и управляющих.

Однако и по новому закону помещики имели право наказывать: розгами — до 40 ударов, палками — до 15 ударов, подвергать аресту — до 2 месяцев, отсылать в «смирительный» или «рабочий» дом на срок до 3 месяцев, в арестантские роты — до 6 месяцев, и даже ссылать крестьян по своему усмотрению в Сибирь или отдавать их в рекруты.

Многие помещики, пользуясь отсутствием всякого контроля, допускали в обращении со своими крепостными невероятные жестокости.

Незадолго до реформы правительство, напуганное ростом недовольства крестьян, приняло некоторые меры по обузданию самых свирепых помещиков. В частности в самарской палате уголовного суда были наконец решены тянувшиеся уже много лет несколько дел о жестоком обращении помещиков с крестьянами.

Бузулукский помещик Племянников обвинялся в том, что он довел трех крепостных до самоубийства, изнасиловал 30 девочек (преимущественно 13—14-летних), присваивал мошенническим путем крестьянское имущество и обременял крестьян совершенно непосильными работами. Дело кончилось передачей именина в опеку, которая была, впрочем, вскоре фактически отменена, так как управление имением перешло к взрослому сыну Племянникова.

Супружеская чета ставропольских помещиков Шио-шихных обвинялась в жестоком обращении с крепостными. Дворовые и крестьяне показали, что они «всяма часто за малейшие вины или без всякой вины были наказаны розгами, палками, двухвостной плетью и кнутом до того жестоко, что они иногда лишались чувств, сверх того надевали на шею железные рога такого устройства, что в них невозможно лечь или даже прислониться к стене, и виновные оставались

в таких рогах сутки и более в темной комнате, после чего страдали стеснением шеи и опухолью оной».*

Инициатором этих истязаний и издевательств была помещица Шиошина. Экзекуции розгами и палками (по 300—500 ударов) производились под непосредственным наблюдением помещицы, которая обычно приговаривала: «бей его в мою голову! Ныне такие законы, чтобы только до смерти не забивать».

Дворовая Авдотья Кузьмина, доведенная до отчаяния, пыталась покончить самоубийством, но ее вынули из петли. По объяснению Шиошиной «она (Кузьмина. — В. Л.) пыталась удавиться по злости характера». Другую дворовую, Дарью Васильеву, помещица жестоко избила мешалкой. Шиошина призналась, что по ее приказанию у дворовой Анны были выстрижены ресницы. Объясняла она этот дикий поступок тем, что «девка Анна постоянно дремала за делом».

Показания крепостных не считались доказательством виновности помещиков. Достаточно убедительных с точки зрения суда показаний посторонних свидетелей не оказалось, и Шиошины так же, как и Племянников, были оправданы, хотя «оставлены в сильном подозрении». Имение их было взято в опеку.

Положение крепостных крестьян было настолько тяжелым, что многие были готовы пойти на любые жертвы, лишь бы избавиться от своих помещиков. Любовь Дмитриева, «дворовая девка» помещицы Шевелевой (село Старая Майна), дважды была наказана плетью и розгами за побег. Видя, что побег ей не удастся, она пустила слух о якобы совершенном ею убийстве неизвестной женщины. Когда следствие установило, что в действительности никто никакого убийства не совершал, Дмитриева созналась, что история с убийством выдумана ею с единственной целью быть

* Фонд самарской палаты уголовного суда, дело № 160.

сосланной в Сибирь и тем наконец избавиться от своей помещицы. *

Имущественные права крепостных были крайне неопределенны. Закон признавал за ними право собственности на их имущество, но, считая самих крепостных собственностью помещиков, предоставлял последним неограниченные возможности распоряжаться личностью и имуществом крестьян.

Например, продажа крестьянами продуктов собственного хозяйства строго контролировалась барином. Помещик следил за тем, чтобы у крестьянина сохранились некоторые запасы хлеба и семян на случай неурожая, избегая таким образом необходимости выдавать крестьянам хлеб на продовольствие и обсеменение из своих запасов. Этот контроль преследовал и другую цель: помещик стремился сохранить свое монопольное положение на рынке, оградив себя от конкуренции со стороны своих крепостных.

Кроме того помещик мог перевести любого крестьянина «во двор», т. е. сделать дворовым, отобрав у него не только земельный надел, но и весь инвентарь, запас хлеба, семена и даже постройки. Крестьянин, становясь дворовым, получал обыкновенно только скудный паек: дворовых помещик был обязан кормить так, чтобы они не умерли с голоду.

В мелких имениях, где помещики, лично руководя хозяйством, доводили эксплуатацию крепостных до высших пределов, было сравнительно много дворовых. Чем мельче по размерам были имения, тем выше в них был процент дворовых. В Самарской губернии насчитывалось перед реформой 93 мелких помещичьих имения, где крестьян не было вовсе, а все крепостное население такого имения числилось дворовым.

Среди дворовых были барские любимцы — камерди-

* Там же, дело № 98.

неры, приказчики, управители, помогавшие помещику эксплуатировать крестьян. Но большинство дворовых сильно страдало от произвола, жестокостей и издевательств помещиков. Это были рабы в полном смысле слова. Поэтому из их среды выходило много вожakov крестьянского движения. Этому немало способствовало то обстоятельство, что среди дворовых было больше грамотных и развитых людей, побывавших в городах, чем среди крестьян.

Перевод крестьян в дворовые был запрещен правительством только перед самой реформой (2 марта 1858 года). Некоторые помещики, предвидя неизбежность реформы и зная, что землей будут наделять только крестьян, а не дворовых, успели перевести немало крестьян в дворовые. Делалось это для того, чтобы уменьшить количество крестьянских семей, которые имели право на получение земельных наделов. Поэтому перед реформой численность дворовых в стране значительно увеличилась (с 4,14 процента общего количества крепостных в 1835 году до 6,79 процента в 1858 году).

Работа крепостных на помещика называлась барщиной. До конца XVIII века размеры барщины не были ограничены законом. Только в 1797 году указом Павла I была официально установлена так называемая «трехдневная барщина». Однако многие помещики легко обходили закон и очень часто заставляли крестьян работать на барских полях более 3 дней в неделю.

Для этого помещики обычно прибегали к урочной, или сдельной, системе работ. «Уроки», или нормы работы на помещика, увеличивались до таких размеров, что крестьянину приходилось работать не только по праздникам, но иногда и по ночам.

В Самарской губернии 80 процентов всех крепост-

ных работало на барщине и только 20 процентов состояло на оброке. В Симбирской — около 75 процентов всех крепостных работало на барщине. Это объяснялось тем, что помещики стремились расширить свою запашку, производить больше хлеба, от продажи которого они получали главный доход.

В северных губерниях, где земледельческое хозяйство было сравнительно малопродуктивным, а главным источником существования населения были разные промыслы, ремесла и заработки, помещики находили для себя более выгодной оброчную систему. Эта система заключалась в том, что крепостные взамен работы на помещика платили ему установленный оброк (деньгами и натурой).

Но и на тучном саратовском и симбирском черноземе встречались иногда поместья, в которых хозяйство велось по оброчной системе. Владельцы таких имений не занимались хозяйством — они предоставляли крестьянам обрабатывать всю землю за определенный оброк. В своих имениях они никогда не жили и находили более надежным и выгодным получать с крестьян без всяких хлопот и риска определенную сумму ежегодного оброка. В таких случаях оброк имел преимущественно характер арендной платы за пользование землей.

Оброк, как мы говорили, в основном имел другой характер — он был компенсацией за труд и свободу крепостного. Помещики часто отпускали на оброк отдельных крепостных или целые семьи, давая им возможность за ежегодный взнос определенной суммы заниматься на стороне разными промыслами, ремеслами, торговлей или уходить на заработки.

Короче говоря, помещик считал своих крестьян особым капиталом — «капиталом крепостных душ», который должен пускаться в оборот, давать «рост», приносить прибыль. Поэтому весьма часты были случаи,

когда на оброк отпускались 70—75-летние старики или когда крепостных отдавали «напрокат» другим помещикам (особенно в малонаселенные губернии) и фабрикантам. Одна помещица завела даже особый промысел — она готовила своих дворовых девушек для занятия проституцией и потом поодиночке или целыми партиями продавала в публичные дома.

Никаких законодательных норм, определявших сумму оброка, тогда не было, и размер его всецело зависел от усмотрения помещика, который по своей прихоти мог в любое время переводить своих крепостных с оброка на барщину и обратно.

Распределение государственных, удельных и крепостных крестьян в бывш. Самарской и Симбирской губерниях было крайне неравномерно. На громадной территории Самарской губернии (по пространству она превышала Симбирскую приблизительно в три раза) численно преобладали государственные крестьяне, составлявшие 66,5 процента всего сельского населения. На втором месте стояли удельные — 18,3 процента. Наконец, третье место занимали крепостные — 15,2 процента.

В Симбирской губернии дело обстоит иначе: удельные крестьяне составляли 48,3 процента крестьянского населения, крепостные — 44 процента, а государственные — только 7,7 процента.

Различное соотношение численности отдельных групп крестьян в Самарской и Симбирской губерниях объясняется главным образом более ранним заселением последней, где дворянско-помещичье землевладение, а следовательно и численность крепостных были значительны. Наоборот, в Самарской губернии, интенсивное заселение которой началось не ранее середины XVIII века, было сравнительно мало помещиков и меньше

крепостных крестьян. С другой стороны, в Симбирской губернии, как было сказано выше, получение удельным ведомством в 1835 году громадных массивов казенных земель сильно увеличило численность удельных крестьян за счет государственных.

Самарская губерния с ее громадными земельными площадями, редким населением и незначительным развитием дворянско-помещичьего землевладения относилась к числу окраинных губерний, куда перед реформой непрерывным потоком шли переселенцы из центральной, давно заселенной Европейской России. Симбирская губерния принадлежала к группе среднечерноземных губерний, которые отличались наибольшим развитием дворянско-помещичьего землевладения, а следовательно и крепостничества.

Бесправное положение крестьян, усиление их эксплуатации помещиками и помещичье-дворянским государством, интенсификация крепостного труда, увеличение оброка, подушной подати и натуральных поборов, — все это вызывало рост крестьянского движения. Разоряющаяся крепостная деревня боролась за самые элементарные условия своей жизни, стремясь избавиться от помещичьей кабалы, от непосильного подневольного труда.

По заведомо неполным данным министерства внутренних дел за время с 1825 по 1860 год, т. е. почти до момента объявления манифеста об освобождении крепостных, в России было 1200 случаев крестьянских волнений; участились побеги крестьян «на вольные земли» — на Урал, в Сибирь, а также случаи массового «неповиновения» крестьян помещикам и властям. Самой распространенной формой «неповиновения» был отказ от работы на барщине, от уплаты оброка и других поборов помещику. Росло и число

убийств: с 1836 по 1854 год было убито 173 помещика и управляющих.

Летом 1839 года в Симбирской губернии происходили крестьянские волнения, явившиеся отзвуком движения, охватившего тогда 12 губерний.* Внешним поводом к этим волнениям были почти повсеместные пожары, возникавшие вследствие особенно сильной засухи. Крестьяне считали, что помещики поджигают деревни «для разорения своих крестьян, которые назначены быть вольными или отданными в приданое ее императорскому высочеству великой княгине Марии Николаевне». Среди крестьян распространялись также слухи, что «его высочество», наместник, женится на дочери турецкого султана и по этому случаю «сожгут три губернии» в качестве свадебной иллюминации.**

Движение крестьян было очень бурное, оно охватило ряд уездов и вылилось в убийства крестьянами своих помещиков, приказных голов (в удельных селах), исправников, станowych приставов.

В селе Шигонах, Сенгилеевского уезда, крестьяне убили помещика Кроткова и бросили его в огонь; вместе с барином был убит и его камердинер.

В Карсунском уезде в селе Юрловке был убит приехавший туда исправник Колужанов и брошен в огонь.

В селе Репьевке, этого же уезда, среди крестьян прошел слух, что помещик хочет сжечь деревню. Когда в селе действительно случился пожар, крестьяне привязали к хвосту лошади бурмистра*** и его сына и «жестоко их мучили». Вступившийся за бурмистра священник едва успел спрятаться в церкви.

В селе Топорнино, Сызранского уезда, крестьяне жестоко избили помещика Топорнина.

* См. Е. Мороховец, Крестьянская реформа 1861 г.

** Там же, Отчет шефа жандармов Беккендорфа Николаю I, стр. 66.

*** Бурмистр — управляющий имением.

В деревне Старотимошкино, этого же уезда, крестьяне не допустили к тушению огня приказного голову, а бывших с ним двух сельских писарей «жестоко избили и, связав им руки и ноги, представили к становому приставу».

Широкий размах движения и бурные его формы, толки о поголовном истреблении ненавистных угнетателей напугали царское правительство. По приказу Николая I сюда был послан на усмирение жандармский генерал Перфильев с большими полномочиями. Ему было предоставлено право требовать для усмирения крестьян нужное количество войск из местных гарнизонов и организовать военно-полевые суды.

Шпицрутены, кнут, плеть, розги и ссылка в Сибирь «главных виновников беспорядков» — вот чем генерал Перфильев на время потушил крестьянский пожар в приволжских губерниях.

Как царь и помещики готовили «освобождение»

Огромный рост крестьянского движения, особенно в 50-х годах (около 600 выступлений за пять лет — с 1855 по 1860 год), заставил правительство задуматься над крестьянским вопросом. Об освобождении крестьян заговорили даже в тех помещичьих кругах, которые экономически не были заинтересованы в ликвидации крепостного права и не стремились переходить к капиталистическому способу ведения хозяйства.

«Призрак пугачевщины, — писал историк В. И. Семевский, — вечно стоял в глазах нашего дворянства и как грозное *memento mori** напоминал о необходимости покончить с крепостным правом в интересах самих помещиков».

* Напоминание о смерти.

Эту же мысль выразил и первый помещик крепостной России, Александр II, когда он в 1856 году сказал представителям московского дворянства, что лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться, когда сами крестьяне начнут отменять его снизу.

Но, конечно, не одна опасность всенародного взрыва заставила царское правительство и помещиков решить вопрос об отмене крепостного права. Большую роль в этом сыграла неудача в Крымской войне (1853—1856 годы). Одной из причин поражения царской России в эту войну было отсутствие железных дорог. А строительство их упиралось в вопрос о развитии крупной промышленности.

«... если для России после Крымской войны потребовалась собственная крупная промышленность, то она могла получить ее лишь в одной форме, т. е. в капиталистической, а не в какой-либо иной».*

О причинах, толкавших царское правительство и помещиков на путь реформы, очень четко сказано В. И. Лениным в его статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция»:

«Великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники. Какая же сила заставила их взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*». **

* Ф. Энгельс, О России.

** Соч., т. XV, стр. 143.

Таковы были причины, которые заставили правительство Александра II несмотря на противодействие ярых крепостников-помещиков разослать губернаторам для сведения царский рескрипт от 20 ноября 1857 года о разрешении дворянам образовывать губернские комитеты для обсуждения проекта «освобождения крестьян от крепостной зависимости». (В позднейших циркулярах правительство заменило слово «освобождение» словами «улучшение быта крестьян»).

В Самаре обсуждение царского рескрипта в дворянском собрании происходило в январе 1858 года. В это время помещики съехались со всей губернии на очередные дворянские выборы.

«Государю императору, — говорил самарский губернатор Грот в своей речи в дворянском собрании, — угодно, в знак нового доверия к дворянству, предоставить непосредственному усмотрению господ помещиков устройство и упрочение быта их крестьян».

Приглашение Грота приступить к обсуждению проекта реформы не вызвало однако среди самарских дворян особого энтузиазма. После долгих и бурных споров большинством голосов было принято следующее постановление:

«В Самарской губернии, столь недавно возникшей и составленной из частей губерний Оренбургской, Саратовской и Симбирской, имения помещиков получили свое основание вначале через покупку земель, а потом крестьян из внутренних малоземельных губерний. Переселение этих крестьян, водворение их на местах оседлой жизни в безлесном крае, наделение всем необходимым для их быта хозяйством поглотило наличные капиталы владельцев и, истощив их материальные средства, вынудило большую часть помещиков заложить не только их населенные имения, но даже пусто-порожные земли и, сверх этого, довело до необходимости сделать частные займы».

Дальше дворянство высказывало опасения, что после «освобождения» помещики останутся без рабочих рук. Боялись дворяне и того, что благодаря изобилию в Самарской губернии свободных казенных, удельных и башкирских земель крестьяне могут совершенно уйти из-под помещичьей кабалы.

Тот же губернатор Грот в донесении министру внутренних дел писал по поводу помещичьих настроений:

«Главные опасения заключаются в том, что крестьяне по приобретении личной свободы переселятся на эти земли и оставят помещиков без рабочих рук, от чего доходы их неминуемо упадут»...

Немало красноречия пришлось затратить сторонникам отмены крепостного права, так называемым либералам, чтобы доказать противникам реформы — «старикам» неизбежность реформы, убедить их в необходимости ради собственных помещичьих интересов принять участие в ее подготовке.

В ответ на постановления дворянских собраний губернаторы получили царский рескрипт об учреждении губернских комитетов «по улучшению быта помещичьих крестьян и дворовых людей». Такие рескрипты были получены в Самаре и Симбирске в марте 1858 года. Губернаторам одновременно предписывалось иметь особое наблюдение за тем, чтобы крестьяне, «не вникая никаким злонамеренным внушениям и лживым толкам», оставались в полном повиновении у помещиков.

В соответствии с царским рескриптом и циркулярами министерства внутренних дел в губернские комитеты входило по два представителя от дворянства каждого уезда. Кроме того в состав комитета включалось два представителя от правительства, назначавшихся по представлению губернатора из числа местных дворян-помещиков. Комитеты заседали под председательством губернских предводителей дворянства.

Проект реформы комитета составляли на основании подробной программы, присланной из Петербурга.

С первых же заседаний самарского губернского комитета в нем образовалось две группы: либералов, во главе с крупным самарским помещиком Ю. Ф. Самариным, и ярых крепостников, боявшихся реформы. Последние имели большинство в комитете.

«Самыми непримиримыми крепостниками были мелкопоместные дворяне типа гоголевских «старосветских помещиков», хозяйство которых носило в большей или меньшей мере натуральный, потребительский характер, было очень слабо связано с рынком. Для этого слоя возможность перейти к капиталистическому хозяйству была почти исключена, так как и размеры земледелия его были незначительными, и та сумма, которую они могли получить за выкуп крепостных душ, была слишком мала, чтобы можно было говорить о какой-нибудь коренной перестройке хозяйства. Мелкопоместным дворянам реформа могла причинить только разорение, и потому они были самыми последовательными ее противниками».*

Между обеими группами в течение всей работы комитета происходила борьба, принимавшая в первое время особо острые формы. Некоторые столкновения, происходившие на заседаниях комитета, сопровождались даже вызовами на дуэль. Правда, ни одна из этих дуэлей не состоялась, но одно время создалась такая обстановка, что Самарин, опасаясь нападения, не выходил из дома без вооруженных телохранителей.

Когда положение в комитете обострилось, в Самару мирить помещиков приехал из Оренбурга сам генерал-губернатор Катенин. Он заставил некоторых членов комитета извиниться, а с остальных взял обещание не подавать в дальнейшем поводов для столкновений.

* Е. Мороховец, Крестьянская реформа 1861 г., стр. 84—85.

После отъезда Катенина столкновений, переходящих на личную почву, и вызовов на дуэль уже не было, но споры по всем важнейшим вопросам продолжались до конца работы комитета.

Либералы считали, что крепостные отношения отжили и тормозят дальнейшее развитие помещичьего хозяйства. Ради проведения реформы, которую они считали неизбежной и в конечном итоге выгодной для капиталистического развития помещичьего хозяйства, они готовы были идти на некоторые незначительные уступки в пользу крестьян. Либералы настаивали поэтому на скорейшем переводе крестьян с барщины на оброк, в чем они видели переходную ступень к прекращению крепостных отношений.

Крепостники держались противоположных взглядов и старались сохранить барщину, в местных условиях более выгодную, чем оброк. Будучи противниками реформы, они однако принимали участие в обсуждении проекта с единственной целью — не допускать никаких убытков для помещиков, отстаивать свои права и привилегии. С либералами, которые и сами не имели никакой склонности без крайней необходимости жертвовать интересами помещиков, крепостники торговались за каждый лишний рубль оброка, спорили за каждую десятину земли.

Не надо однако забывать, что представители обеих групп были помещиками и естественно, что классовые, дворянско-помещичьи интересы были всем им одинаково дороги. В. И. Ленин в связи с пятидесятилетием реформы писал:

«Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*. Либералы так же, как и крепостни-

ки, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти.*

При обсуждении вопроса о праве выкупа крестьянами своих наделов в самарском комитете развернулись прения о значении и правах крестьянской общины, об общинном и единоличном крестьянском землепользовании.

Самарин, придерживаясь славянофильских взглядов, был сторонником крестьянской общины. Он писал, что «все убеждения, поверья и привычки русского народа тесно сплелись с «общинным бытом». В губернском комитете он выставил в пользу общины другой, более убедительный для членов комитета аргумент — круговую поруку общины в платежах и выполнении повинностей в отношении помещика. Он считал крестьянина — мелкого собственника ненадежным плательщиком, неспособным выдержать подряд два неурожайных года или скотский падеж.

Один из наиболее видных представителей крепостнической группы — помещик Обухов упорно защищал единоличную крестьянскую собственность. Он считал «политически вредным» общинное владение. «С увеличением народонаселения, — говорил он, — находящихся в пользовании у общества земель будет недостаточно, многие из членов могут остаться без надела земель, а потому с завистью будут смотреть на помещиков-собственников и в случае революционного движения готовы будут отнять землю у ее владельцев; крестьяне же собственники сами будут угрожаемы одной опасностью с помещиками и всегда будут готовы соединиться с ними для защиты». Он находил, что община «развивает корпорационный дух», а с «корпорацией» труднее

* Соч., т. XV, стр. 143.

сладить, чем с отдельными лицами. Спасение помещика он видел в насаждении мелкого земельного собственника. Кроме политических соображений в пользу единоличной собственности он пытался также доказать ее хозяйственные преимущества перед общинным владением.

Вопрос о будущих размерах крестьянских наделов также вызвал длительные и горячие споры. Помещик Самарского уезда Лопатин, один из главных выразителей взглядов крепостнической группы, с самого начала толковал предстоящую реформу таким образом, что земля дается крестьянам только на время «переходного состояния», а после этого она должна быть возвращена помещикам. Он уверял впоследствии, что крестьянский надел можно значительно уменьшить, так как крестьяне настолько ценят предоставляемые им права личной свободы, за которые они были всегда готовы принести величайшие жертвы, что вполне удовлетворятся меньшим наделом. При этом Лопатин ссылаясь на царский рескрипт от 20 ноября 1857 года, который предлагал установить земельный надел крестьянам в размере, достаточном «для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиками», но не обязывал комитеты сохранить существующие размеры наделов.

Самарин, наоборот, старался убедить своих противников в необходимости полностью оставить за крестьянами те наделы, которыми они пользовались раньше. Самарин, конечно, знал, что и существующий надел, на обработку которого крестьянин затрачивал не более половины своего рабочего времени (80 процентов крепостных Самарской губернии, как сказано было выше, работало на барщине), не слишком велик; что крестьяне, имея такие наделы, будут вынуждены идти на работу к помещикам или арендовать у них землю.

Он понимал, что получение за крестьянские наделы

выкупных платежей, в три раза превышающих существующие цены на землю, было чрезвычайно выгодным для помещиков. Отсюда ясно, что крепостники неосновательно обвиняли Самарина в желании «облагодетельствовать» крестьян путем разорения помещиков, — либерал и не думал об этом.

«Борьба сторонников обезземеления и сторонников «наделения» выражала *тогда* зачастую лишь борьбу двух *крепостнических* лагерей, спор о том, выгоднее ли для помещика иметь арендатора (или «отработочного» крестьянина) вовсе без земли *или* «с наделом», т.-е. прикрепленного к месту, привязанного клочком земли, с которого нельзя жить и на котором приходится искать «заработков» = (идти в кабалу помещику)».*

В результате работ самарского губернского комитета было составлено два самостоятельных проекта реформы: крепостнического большинства и либерального меньшинства.

Оба проекта, несмотря на все происходившие между этими группами споры, мало отличались один от другого. Разница выразилась главным образом в том, что либералы предлагали разделить губернию не на семь, а на шесть полос. Это несколько увеличивало в некоторых местностях губернии размер нормального надела. Они также проектировали меньший размер оброка и барщины на период так называемого временно-обязанного положения крестьян, чем крепостники.

Исчисление стоимости крестьянского надела в обоих проектах исходило из одинаковых оснований. Устанавливалась определенная сумма оброка с тягла** для всей губернии (по проекту меньшинства 23 руб., а по проекту большинства 25 руб.). По проекту боль-

* В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 95.

** Тягло — семья крепостного крестьянина с определенным количеством трудоспособных, принимавшаяся помещиком за единицу при разверстке барщины или оброка.

шинства расчет стоимости тяглогового надела земли был таков: оброк в 25 руб. составляет 6 процентов капитала или стоимости всего тяглогового наделного участка. Следовательно, стоимость такого участка равна $\frac{25 \times 100}{6}$, т. е. 416 руб. 66 коп. По проекту меньшинства стоимость такого же участка, исчисленная тем же способом, равнялась 383 руб. 33 коп. Между тем по купчим крепостям 1860 года средняя продажная цена десятины в Самарском и Ставропольском уездах, например, равнялась 10 руб. При такой цене действительная стоимость крестьянского тяглогового надела в этих уездах не превышала 80—100 руб., а для других уездов была еще ниже.

Эти цифры ярко показывают грабительскую политику правительства и помещиков обоих лагерей в отношении крестьян.

Назначая такой грабительский выкуп, либералы и крепостники выработали также целый ряд свирепых мер для взыскания платежей с крестьян. Так, предполагалось проводить конфискацию крестьянского хлеба на корню, отдачу крестьян в работу по годовым контрактам. За недоимки помещикам намечалась такая мера, как сдача в солдаты.

Барщина должна была сохраниться в течение временно-обязанного положения. Оба проекта представляли помещикам право подвергать телесному наказанию крестьян, находящихся на барщине.

В Симбирской губернии происходило то же самое, что и в Самарской. Губернский комитет так же, как и во многих других губерниях, состоял из двух групп: крепостнического большинства и либерального меньшинства. Обе группы выработали свои проекты, которые по существу мало отличались один от другого.

Проекты всех губернских комитетов поступали на рассмотрение в петербургские редакционные комиссии при главном комитете по крестьянскому делу. Для разъяснения и защиты проектов каждый губернский комитет командировал в Петербург своих представителей. Те губернии, в которых было составлено два проекта, посылали представителей от каждой группы, составившей свой проект.

Реформа, ограбившая крестьян

Закон 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян мало отличался от проектов губернских комитетов. Хотя крестьянские наделы по закону намечались немного выше тех, которые были приняты губернскими комитетами, но в среднем они были меньше наделов, существовавших до реформы.

За единицу при наделении земель было принято не тягло, а ревизская душа мужского пола*. Размер оброка превышал существовавшие в данной местности средние оброки в 2,5—3 раза. Выкупная оценка земель в Самарской и Симбирской губерниях по закону 19 февраля превышала в 2—3 раза их действительную продажную цену.

В царском манифесте и министерских циркулярах было торжественно объявлено, что крепостные получают личную свободу без всякого выкупа. Помещикам же выплачивается выкуп только за отведенную крестьянам землю. Но на самом деле повышенные вдвое и втрое оценки крестьянских земель и выкупной суммы были замаскированной формой вознаграждения помещиков не столько за землю, сколько за личность крепостного и право на его труд.

Сложный и громоздкий закон 19 февраля 1861 года

* Ревизская душа — лицо податного состояния, занесенное в ревизскую сказку.

состоял в первоначальном виде из 22 отдельных законодательных актов: самого манифеста, царского указа сенату «об учинении надлежащего распоряжения к приведению в исполнение положений», самих «положений» и дополнительных правил к ним и, наконец, указа сената от 2 марта 1861 года.

«Положения» были общие для всей империи и местные. К первым относились Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, об устройстве дворовых людей, о выкупе, о новых губернских и уездных учреждениях для управления крестьянами и др.

«Местные положения» регулировали те вопросы, разрешение которых подвергалось изменениям в зависимости от местных условий различных частей России, т. е. главным образом вопросы о размерах земельных наделов и крестьянских платежей помещикам.

Самарская и Симбирская губернии подпадали под действие так называемого «местного великороссийского положения». Все громадное пространство, на которое оно распространялось, делилось на три полосы: 1-ю — нечерноземную, 2-ю — черноземную и 3-ю — степную. Каждая из этих полос в свою очередь делилась на «местности», в которых были установлены различные нормы наделения крестьян землей на ревизскую душу мужского пола. Для каждой из местностей 1-й и 2-й полос были установлены два предельных размера надела — высший и низший. Для 3-й — степной полосы — только один «указной», соответствовавший высшему наделу 1-й и 2-й полос. Самарская губерния относилась частью ко 2-й — черноземной полосе, частью к 3-й — степной (часть Николаевского уезда и весь Новоузенский уезд) и делилась на 6 местностей с различными нормами «высших» и «указных» наделов. Размеры этих наделов были очень разнообразны, начиная от высшего надела северной части Ставропольского уезда в 4 десятины и кончая «указным» наделом для

южной части Новоузенского уезда в 12 десятин. Симбирская губерния целиком относилась ко 2-й — черноземной полосе и делилась всего на 3 местности с высшими размерами наделов в 3,25 десятины (Алатырский, Ардатовский и Курмышский уезды), 3,5 десятины (Буинский и Карсунский уезды) и 4 десятины (Симбирский, Сенгилеевский и Сызранский уезды).

Сравнительно большие размеры наделов были установлены для южной, степной части Самарской губернии, где применялась залежная система хозяйства. Однако Самарин, производивший проверку собранных для губернского комитета статистических сведений о крестьянском землепользовании до реформы, признавал, что для степной полосы были установлены наделы намного меньше тех, которыми крестьяне пользовались раньше.

Закон 19 февраля предусматривал проведение реформы постепенно, в три периода. Первый период продолжался с момента объявления манифеста до введения уставных грамот. В течение этого периода право помещика распоряжаться личностью крестьянина и подвергать его наказаниям прекращалось, крестьяне получали некоторые личные права, сокращался размер женской барщины.

После введения уставных грамот начинался второй период — «временно-обязанное положение», когда крепостные официально стали называться «временно-обязанными крестьянами». В течение этого периода крестьяне до перехода на выкуп пользовались землей за установленный уставной грамотой один из видов повинности — барщину или оброк.

Чтобы обеспечить помещику правильное отбывание барщины или поступление оброка, за ним сохранялась часть его прежних феодальных прав над крестьянами на весь период «временно-обязанного положения». Он имел право опеки и «представительства» интересов крестьян в суде, хотя бы и вопреки их желанию.

Сельские выборные должностные лица были подчинены помещику и он мог требовать их отстранения и замены другими. Он мог также приостановить исполнение любого постановления сельского схода и даже требовать исключения из сельского общества неугодных ему крестьян.

Наконец, третий период наступал после заключения крестьянским обществом соглашения с помещиком о выкупе, или точнее с момента выдачи правительством помещику выкупной ссуды. Крестьяне переставали быть «временно-обязанными» и получали другое официальное название «крестьян-собственников». Повинности в виде барщины или оброка прекращались и крестьяне должны были вносить государству в течение 49 лет выкупные платежи в счет погашения выданной правительством помещику ссуды.

«Царь и помещики «ограбили крестьян, отняв, отрезав у них при «освобождении» значительную часть земли, которой крестьяне пользовались раньше»*.

В губернских комитетах, в петербургских комиссиях и других инстанциях, в которых обсуждался проект реформы, — всюду крепостники-помещики постарались урвать у крестьян что-нибудь в свою пользу. В результате даже при высших наделах, установленных для Самарской губернии, площадь крестьянских земель должна была значительно уменьшиться. Даже ревностный сторонник реформы Самарин вынужден был констатировать, что в Самарской губернии «отрезка земли, предусмотренная и допущенная в Положении, как исключение, превратилась на практике в общее правило» и что «цифры высших наделов, назначенные в местном Положении, совпали с наделом, существующим только в двух местностях в Ставропольском уезде и приволжских частях Самарского и Николаевского».** На всей

* Краткий курс истории ВКП(б), стр. 5.

** Соч. Ю. Ф. Самарина, 1911 г., т. IV, стр. 453.

остальной территории Самарской губернии наделы оказались значительно меньше тех, которыми крепостные пользовались перед реформой.

Кроме того был еще очень важный фактор, повлиявший на увеличение отрезков от крестьянских земель в Самарской, Симбирской и других приволжских губерниях. Таким фактором было широкое применение в этих губерниях, особенно в Самарской, 123-й статьи «местного великороссийского положения» о так называемом дарственном, или четвертном наделе.

На основании этой статьи крестьяне по взаимному соглашению с помещиком могли получить «дарственный надел», равный по размерам только одной четвертой части высшего, или «указного» надела, установленного для данной местности, без выкупа или каких-либо обязательств по отношению к помещику.

Крестьяне сознавали, что такого надела совершенно недостаточно для ведения хозяйства, и сами называли этот надел «сиротским», или «кошачьим», но их прельщала возможность развязаться с помещиком, освободиться от барщины, оброков и выкупных платежей. Крестьяне знали, что наложенное на них за урезанные наделы бремя повинностей и выкупных платежей превышает во много раз действительную стоимость земли. Единственной возможностью избавиться от грабительских непосильных платежей и сохранить кроме усадьбы хоть клочок земли, было получение дарственного надела. При обилии в то время, особенно в Заволжье, свободных земель, сдававшихся в аренду за дешевую плату, крестьяне хватались за эту возможность.

Но расчеты крестьян оказались неверными. В течение первых лет после реформы, пока было еще много свободных земель и пока стояли низкие арендные цены, крестьяне-дарственники действительно были в несколько лучшем положении по сравнению с крестьянами, получившими полные наделы и платившими за

них суммы, которые превышали втрое арендную плату. В дальнейшем однако край быстро заселялся, продажные и арендные цены на земли быстро росли и почти безземельные дарственники в большинстве случаев попадали в безысходную кабалу к тем же крепостникам-помещикам и кулакам.

Царское правительство со своей стороны при проведении реформы боялось финансовых затруднений, так как сумма ссуды, выдававшейся помещикам, была громадна. При «дарственном» наделении крестьян дело обходилось без ссуды со стороны правительства, а потому оно поощряло такие соглашения крестьян с помещиками.

Для помещиков применение 123-й статьи было выгодно тем, что они сохраняли за собой $\frac{3}{4}$ земли, которую пришлось бы выделить крестьянам. В будущем при быстром росте цен на земли и интенсивном заселении края это сулило помещикам громадные барыши и возможность полного закабаления обезземельных крестьян.

Однако в период проведения реформы многие помещики не понимали, насколько для них выгодно «дарственное» наделение крестьян. Самарин писал, что большинство помещиков считало соглашение с крестьянами о дарственном наделе самым невыгодным для себя, так как оно сопровождалось полным прекращением барщины и оброка, и помещики лишались возможности получить за землю выкуп, намного превышающий ее стоимость. По словам Самарина, выдержать такое «внезапное прекращение обязательной повинности, без всякого за нее вознаграждения и даже рассчитывать в будущем на значительные выгоды, когда ценность земли уравнивается с оброком и превзойдет его», могли только богатые помещики, не задолжавшие кредитным учреждениям.

По этой причине было много случаев, когда крестья-

не упорно требовали «сиротского надела», а помещики не менее упорно отказывали им в этом.

Быстрый рост продажных и арендных цен на землю заставил в дальнейшем многих помещиков оценить те выгоды, которые давала им 123-я статья Положения. Еще в 1861 — 1863 годах, несмотря на сопротивление крестьян и на их требование «сиротских наделов», им были отведены по уставным грамотам полные наделы. Но в конце 60-х и начале 70-х годов в тех же самых имениях между крестьянами и помещиками были заключены соглашения о «дарственном» наделении. Так было, например, в деревне Дурасовке, Ставропольского уезда, где соглашение о дарственном наделе состоялось только в 1870 году.

В селе Новое Жданово, Бузулукского уезда, договор о дарственном наделе был заключен в 1871 году, а в селах Русской Барковке и Никольском, Ставропольского уезда, — в 1874 году.

123-я статья создала таким образом большую группу крестьянского населения, которая могла существовать только занимаясь посторонними заработками или арендуя землю у помещиков. Это опять толкало крестьян в кабалу к тому же крепостнику.

В Самарской и Симбирской губерниях 123-я статья применялась широко. На 1 января 1868 года в Самарской губернии по официальному списку мировых участков и волостей насчитывалось 23 469 ревизских душ мужского пола (24 процента общего количества бывших крепостных), получивших дарственные наделы.

В Симбирской губернии количество крестьянских обществ, получивших дарственные наделы, также было очень велико. По сведениям губернского по крестьянским делам присутствия на 1 июля 1863 года такие наделы крестьяне получили от 84 помещиков, тогда как соглашения о выкупе крестьянами земли были заключены к этому сроку всего с 217 помещиками.

Применение этой грабительской статьи резко повысило в обеих губерниях (особенно в Самарской) процент отрезков крестьянской земли в пользу помещиков. Приведем несколько характерных цифр: помещичьи крестьяне Самарской губернии до реформы 1861 года имели в своем пользовании 538,5 тысячи десятин земли. После реформы им отвели всего 313 тысяч, т. е. отняли у крестьян и отдали помещикам 225,5 тысячи десятин, или 41,8 процента крестьянской земли.

В Симбирской губернии положение было не намного лучше. До реформы крестьяне имели 735,9 тысячи десятин, осталось у них после «освобождения» 530,1 тысячи, т. е. помещикам досталось 205,8 тысячи десятин, или 27,8 процента.

Приведенные официальные цифры по всей вероятности несколько преуменьшены и не отражают действительного положения вещей. На самом деле ограбление крестьян достигало еще больших размеров.*

Урезывая крестьянские наделы, облагая крестьян непосильными платежами и сохраняя кабальную зависимость крестьян от помещиков, царское правительство направляло развитие сельского хозяйства России по «прусскому пути». Следуя по этому пути, крепостническое землевладение, как говорил Ленин, «медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбауэров» («крупных крестьян»).**

Чтобы избавиться от непосильных платежей за отведенные им наделы, многие крестьяне приписывались к мещанским обществам. При этом они лишались

* В «Истории СССР» указано (т. II, стр. 491), что отрезки крестьянской земли в Самарской губернии достигли 44%.

** Соч., т. XI, стр. 348—349.

своих наделов, но зато не были обязаны больше платить за них. Не все крестьяне, приписавшиеся к мещанским обществам, переселялись в город, — очень многие остались на своих прежних усадьбах и, не имея никакого земельного надела, продолжали вести свое хозяйство исключительно на арендованной земле.

Некоторые крестьяне, не переходя в другое сословие, отказывались от своих наделов и сохраняли за собой одни усадьбы. Таких крестьян называли «усадебниками».

В селе Жуковке, Бузулукского уезда, по уставной грамоте был отведен на 22 ревизских души высший надел по 5 десятин (всего 1110 десятин). Однако 200 душ перечислилось в бугурусланские мещане. Оставшиеся 22 ревизских души в 1872 году отказались от земли, чтобы не отбывать за нее повинностей.

В 1883 году неприменный член уездного по крестьянским делам присутствия писал, что из оставшихся в Жуковке 22 ревизских душ большая часть умерла или покинула село. Там осталось только два семейства: первое «из 2-х ревизских и 3-х неревизских душ» продолжало жить на своей усадьбе и платило за нее и выгон помещику «определенную словесным договором сумму, а полевою землю под пашню и сенокос нанимает особо»; второе семейство «из 4-х ревизских и 4-х неревизских душ — хлебопашеством не занимается, хозяйства не имеет и находится в рабочих». *

В Бугурусланском уезде 9 крестьянских обществ (357 дворов) совершенно отказались от наделов, оставив за собой одни усадьбы. В этом уезде кроме того очень много крестьян перечислилось в бугурусланские или сергиевские мещане. В 58 селениях этого уезда в 1885—1886 годах уже насчитывалось 2268 таких

* Фонд самарского губернского по крестьянским делам присутствия, дело № 3288.

дворов с 6321 душами мужского пола. Эти «мещане», жившие на своих усадьбах, платили за них помещикам деньгами или разными отработками*.

В селе Кротовке в 1876 году крестьяне 193 дворов отказались от своих наделов и приписались в мещане. До реформы часть из них была на трехдневной барщине, а часть работала на помещичьей суконной фабрике, которая после реформы была закрыта.

В деревне Дмитриевке, Смольковской волости, 88 ревизских душ отказались от надела и выкупили одни усадьбы. В этой деревне оставалось только три двора, так как все остальные крестьяне разошлись по сторонам искать земли на более выгодных условиях. Однако вскоре они вернулись обратно. «Паспорты в дальние стороны не дают, — говорили они, — а в ближних местностях цены на работы дешевые, а земли дорогие». За одно только право пускать лошадей на скошенные луга помещика крестьяне должны были «вспарить», посеять и сжать 3 десятины ржи.

Деревня по словам земских статистиков производила жалкое впечатление, крестьяне ходили оборванные. По данным обследования 35,7 процента крестьян не имели домов и скота, 27,3 процента не имели лошадей.

В селе Подбельском 36 дворов отказались в 1871 году от земли и перешли в мещане. После эпидемии холеры, когда народу осталось мало, помещик продолжал требовать работы за всех, даже за покойников. Сначала мещане платили помещику по 5 руб. в год за усадьбу, но во время статистического обследования 1886 года они вместо платежа деньгами жали у помещика по 1,5 десятины. Среди отказавшихся от своих наделов крестьян, перешедших в мещане или на поло-

* Сборник статистических сведений по Самарской губернии, 1886 г., т. IV.

жение «усадебных», было много бывших фабричных, работавших раньше на помещичьих фабриках, и много бывших дворовых. Эти категории бывших крепостных, не имевшие в большинстве случаев скота, инвентаря и домов, оказались после реформы в особенно тяжелом экономическом положении, так как большинство помещичьих суконных фабрик Самарской и Симбирской губерний закрылось.

Плохо пришлось бывшим крепостным рабочим села Святодухова, Бугурусланского уезда, работавшим на суконной фабрике помещика Осоргина. Перед реформой фабричные имели в своем пользовании усадьбы размером по 160 квадратных сажен. У некоторых из них не было ни домов, ни усадеб, ни покосов, жили они в помещичьих казармах, но все они получали «месячину» (месячный паек): взрослые по 1 пуду муки, а дети — от 10 фунтов до 1 пуда. Заработную плату большая часть из них получала сдельно: ткачи по 60 коп. «за половинку», пряжи по 43 коп. «с основы», остальные — от 1 руб. 50 коп. до 3 руб. серебром.*

В конце марта 1862 года в Святодухове была введена уставная грамота, составленная помещиком. Сам мировой посредник Колбецкий сознавал, что с введением грамоты положение фабричных резко ухудшилось.

В своем донесении в губернское присутствие Колбецкий, перечислив все, чем пользовались до реформы фабричные, писал, что всего этого они сейчас лишились, а взамен получили незначительную прибавку жалованья. Кроме казенных податей, которые раньше за них платил помещик, фабричным пришлось нести расходы по содержанию сельского и волостного управления, выплачивать деньгами подводную повинность, так как они все были безлошадными, покупать дрова и сверх того платить оброк за свои наделы.

* Фонд самарского губернского по крестьянским делам присутствия, дело № 51.

По словам Колбецкого, фабричные заявили, что в течение двух лет они будут повиноваться, а после этого ни в каком случае платить оброка за надел не будут, «хотя бы их за это всех перебили». Фабрика из-за прорыва плотины не работала уже три месяца, и большинство рабочих, состоявших на сдельной оплате, ни копейки за это время не получало. Уже через год после введения уставной грамоты фабричные не могли уплатить оброка.

Около десяти лет протянули еще на своих наделах фабричные Святодухова, но недоимки накапливались, фабрика не работала и положение их все ухудшалось. В середине 70-х годов они окончательно отказались от земли и приписались в мещане. В 1885 году в селе насчитывалось 137 дворов «бывших фабричных», находившихся на положении безземельных мещан и живших арендой земли, а также разными промыслами и ремеслами.

Положение бывших крепостных, сохранивших земельные наделы, было также очень тяжелым. Оброки и выкупные платежи были совершенно непосильны. Несмотря на самые свирепые меры взыскания, на введенную в практику порку за неплатеж, продажу скота и имущества, недоимки быстро росли и накапливались в огромных размерах.

В заключение несколько слов о положении дворовых после «освобождения».

Подавляющее большинство их при проведении реформы не получило никакого земельного надела. По «Положению об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости», дворовые приобретали такие же личные права, как и крестьяне. Однако включаться в крестьянские общества и получать земельные наделы могли только те дворовые, которые

фактически пользовались землей раньше или же выполняли для помещика полевые работы. В течение двух лет с момента объявления манифеста дворовые, считаясь лично свободными, обязаны были продолжать выполнять свои работы на помещика или же (если дворовый отпущен на оброк) ежегодно уплачивать определенный оброк.

От дворовых, которые до манифеста были на оброке, помещик не имел уже права требовать личной службы или работы. Не мог он также повышать сумму оброка, установленную до реформы. Провинившегося он должен был отправлять в полицию. Там по записке помещика пороли «временно-обязанного» дворового. Таким образом царский манифест сменил порку на конюшне помещика поркой при полиции.

Волнения среди бывших крепостных

Правительство Александра II боялось крестьянских волнений и заранее готовило различные меры борьбы с ними. Был составлен проект назначения на период проведения реформы временных генерал-губернаторов и военных уездных начальников, снабженных чрезвычайными полномочиями и располагавших военной силой. Правда, проект этот был оставлен, но уже в январе 1861 года министр юстиции граф Панин представил царю доклад о том, что «отправление на места лиц, облеченных достаточной властью, для надзора за действиями губернских и уездных властей и для прекращения беспорядков, представляется необходимым и единственным средством к предупреждению или укрощению губительных последствий, при отсутствии на местах сильной власти и недостатках губернского и уездного управления».

После обсуждения доклада в комитете министров

было решено командировать в 41 губернию Европейской России генерал-майоров или флигель-адъютантов из царской свиты. Они проводили на местах объявление манифеста и свирепо подавляли при помощи военной силы всякие крестьянские выступления.

Деятельность этих генералов и флигель-адъютантов продолжалась с момента обнародования манифеста — с начала марта до июля 1861 года, т. е. до вступления в должность мировых посредников. В Самарскую губернию был командирован флигель-адъютант, полковник Гурко, а в Симбирскую — Эссен.

Для проведения реформы были созданы на местах «губернские по крестьянским делам присутствия» под председательством губернатора. В состав этих присутствий входили: губернский предводитель дворянства, члены — по выбору от дворянства и по назначению от правительства, губернский прокурор и управляющий палатой государственных имуществ. Членом самарского губернского присутствия по назначению от правительства был тот же Ю. Ф. Самарин.

В уездах реформу проводили мировые посредники из местных помещиков. Первоначально посредников было только по три на уезд, но впоследствии в некоторых уездах число их было доведено до пяти. Обязанности мировых посредников заключались в введении уставных грамот, разборе конфликтов между крестьянами и помещиками, руководстве новыми крестьянскими учреждениями (волостные правления и суды) и надзоре за их деятельностью. Уставная грамота составлялась для каждого крестьянского общества, определяла размеры землепользования и все те обязательства (барщина, оброк), которые налагались на крестьянское общество за пользование землей.

Долго и напряженно ожидаемое крестьянами «освобождение» вызвало у них разочарование, которое по мере того, как они уясняли себе грабительскую сущ-

ность реформы, сменялось чувством возмущения.

«Освобождение» сопровождалось, как мы говорили выше, отрезкой в пользу помещиков значительной части крестьянских наделов. Зачастую крестьяне были лишены выгона, прогона или проезда на свои поля. Этим самым крестьяне были поставлены в полную зависимость от помещика. За ту землю, которую оставили крестьянам, они должны были нести барщину или платить большие оброки, а впоследствии вносить государству выкупные платежи. Крестьянская реформа с ее урезанными наделами и большими платежами отдавала крестьян в кабалу помещикам.

Среди крестьян, не утративших еще доверия к царской власти, ходили сначала упорные слухи о том, что помещики подменили царский манифест. Появились «ложные толкователи» манифеста из крестьян, мещан или отставных солдат. Крестьяне, ожидавшие «настоящего» царского, а не «облыжного» манифеста, объявленного помещиками и полицией, верили каждому слову таких «толкователей».

Чрезвычайное распространение получил также слух о том, что манифест является только предварительным распоряжением, а «настоящий манифест», который отдаст крестьянам весь их надел бесплатно, будет издан через два года. Слух этот основывался на неправильном толковании закона от 19 февраля сего «временно-обязанным положением» и двухлетним сроком для повсеместного введения уставных грамот.

Крестьяне думали, что настойчивое навязывание уставных грамот является хитростью помещиков и чиновников, которые хотят дать им земли меньше и на таких тягостных условиях, чтобы через два года, когда выйдет «истинная воля» с настоящей «царской десятиной», они потеряли свое право на ее получение. Крестьяне отказывались поэтому от введения уставных грамот и заключения соглашений с помещиками

о земле, что вызывало много конфликтов и недоразумений. Это создавало благоприятную почву для волнений, вспыхнувших во время проведения реформы.

Однако основной причиной волнений были, конечно, не ложные слухи и неправильное толкование закона, а понятая крестьянами истинная сущность реформы. Они боролись против сохранения всяких кабальных крепостнических отношений к помещикам, против барщины, оброков и выкупных платежей, за свободное и независимое от помещика развитие своего хозяйства.

Это была, как назвал ее В. И. Ленин, борьба крестьянства за «американский путь» развития хозяйства, против «прусского пути», на который его толкала крепостническая реформа.

Крестьяне Ставропольского уезда, Самарской губернии, под влиянием происходивших неподалеку, в селе Бездне, Казанской губернии, волнений проявляли особенно боевое настроение. На сходках обсуждался вопрос, как делить и молотить барский хлеб. Шли разговоры о том, что всех дворян будут вешать, толковали и о вооружении крестьян.

В своих речах организатор бездненского движения, Антон Петров, призывал крестьян захватывать помещичьи земли, оставив помещикам только «горы да доли, овраги да дороги, песок да камыш, а лесу ни прута». Петров призывал крестьян к вооруженному сопротивлению. Он говорил: «истинная воля до тех пор не дастся, пока не прольется много крови христианской. Станут вас войском страшать, не бойтесь, никто не смеет бить народ православный без царского приказа. А если дворяне подкупят и будут в вас стрелять, то и вы рубите топорами тех царских ослушников».*

Бездненское восстание было беспощадно подавлено:

* «Русская старина», 1904 г., т. V.

50 крестьян было убито и до 300 ранено, а руководитель движения, Антон Петров, расстрелян по приговору военного суда. Но крестьянские волнения в Ставропольском уезде продолжались, хотя носили уже более мирный характер и сводились преимущественно к пассивному сопротивлению: крестьяне отказывались работать на барщине, а позднее упорно не принимали уставных грамот.

Волнения такого же характера происходили почти по всей Самарской губернии. Гурко в своем донесении царю писал, что «по обнародовании манифеста крестьяне уклоняются от работ на помещиков». Он считал, что отказ этот вызван неправильным толкованием Положения «разными добровольцами-грамотеями», которым крестьяне верят. Рядовой Храбров объехал много сел и деревень Самарского и Ставропольского уездов, выдавая себя то за царя, то за «великого князя» Константина Николаевича. Всюду он говорил крестьянам, что вся земля, которой они пользуются, принадлежит им и что они избавлены от всякой работы на помещиков.

По решению следственной комиссии Храбров был «повезен» по всем селениям, через которые он проезжал, для того, чтобы убедить народ в его самозванстве.

Крестьянин Ставропольского уезда, Сурков, по выражению Гурко «подбил к неповиновению крестьян нескольких селений». Чтобы предотвратить в дальнейшем появление таких «толкователей», Суркова судили военным судом. Приговор был приведен в исполнение в одном из главных пунктов движения — в селе Бесовке. Крестьян «разных ведомств», а также отставных писцов и канцеляристов, «замеченных в ложном толковании Положения», собрали со всех уездов губернии в Бесовку, где они присутствовали при наказании Суркова.

Объехав значительную часть Самарской губернии

(по его выражению «все Поволжье»), Гурко писал, что он «понять не мог, на что там могла быть нужна военная сила, коей в губернии к счастью мало», но на которую был большой спрос со стороны помещиков. Гурко надеялся, что мировые посредники окажутся людьми, «пользующимися доверием крестьян». Он считал чрезвычайно важным, чтобы мировые посредники скорее приступили к своей деятельности, и для этого просил «допустить их к должности», не ожидая утверждения сенатом.*

Как и следовало ожидать, радужные надежды царского флигель-адъютанта не оправдались. Мировым посредникам, набранным из местных помещиков, крестьяне доверяли не больше, чем полиции. «Недоразумения» уладить нельзя было, так как причиной их было не столько недоверие к проводившим реформу лицам, сколько правильное понимание крестьянами сущности реформы.

Крестьян особенно возмущало сохранение на долгое время ненавистной барщины. Уже 20 марта 1861 года предводитель дворянства Николаевского и Новоузенского уездов Жемчужников сообщил губернатору, что «...после объявления высочайшего манифеста помещичьи крестьяне стали оказывать непослушание как помещикам, так и вотчинному начальству». Жемчужников приводил факт такого непослушания в имении графа Воронцова-Дашкова. Здесь крестьяне в числе 1362 человек на сходе после объявления манифеста заявили, что в городах читали другой манифест, в котором говорилось, чтобы помещиков не слушаться и на работы не выходить. Поэтому они объявили становому приставу, что на работу не выйдут.

Собираясь лично выехать в деревни Грачи и Озинки

* Сборник «Великая реформа». Москва, 1911 г., т. V, статья Попельницкого «Первые шаги крестьянской реформы».

(имение Воронцова-Дашкова), предводитель дворянства писал: «В случае упорства крестьян потребуется военная сила, которой в Николаевском уезде нет. Без содействия же военной силы почти невозможно надеяться прекратить беспорядки в самом их начале, и волнение легко может распространиться и в других местностях Николаевского уезда».

Как и предвидел Жемчужников, волнения быстро распространились по всему уезду. По донесению николаевского земского исправника «беспорядки», выражавшиеся в уклонении или отказе крестьян от барщины, происходили не только в имении Воронцова-Дашкова, но также в селах Хлебниково, Кисловке, Сперанке, Духовницком, Озерках, Григорьевке, Николаевке, Марьевке и Нестеровке. Крестьяне деревни Шеншиновки отказались платить оброк. В Кисловке крестьяне не только отказались от барщины, но упорно требовали от помещицы Мордвиновой дарственного или, как они его называли, «сиротского надела». Мординова, наоборот, хотела навязать им полный надел, чтобы получить за него выкуп. Исправнику и мировому посреднику долго не удавалось добиться от крестьян повиновения, и в Кисловку выезжала особая следственная комиссия.

Подавление крестьянских волнений происходило таким образом: исправник в сопровождении полицейских или жандармов и нескольких десятков «понятых», набранных из соседнего села государственных или удельных крестьян, приезжал в мятежное село. Крестьян сейчас же сгоняли на сход, где исправник делал свои «разъяснения», сопровождавшиеся неизменно поркой крестьян, признанных виновными в сопротивлении начальству и помещикам. Если удавалось обнаружить «подстрекателей» или «ложных толкователей» манифеста, их арестовывали и отправляли в уездную тюрьму. Под давлением таких репрессий

крестьяне обычно выражали согласие работать на барщине, и «порядок» был восстановлен. Исправник со своей свитой ехал в следующее село, где происходило приблизительно то же самое.*

В Бугурусланском уезде для подавления крестьянских волнений часто применялась вооруженная сила из казаков башкирского войска. Земский исправник Третьяков приехал в деревню Гундоровку в сопровождении 25 конных казаков, 10 солдат и 60 понятых из села Успенки. Выпоров 14 крестьян, исправник арестовал и отправил в бугурусланскую тюрьму «подстрекателей» — Григория Щуряка и Кузьму Борисова. В жалобе крестьян на действия исправника сопровождавшие его казаки и солдаты были названы «обжорной командой», так как в течение трех дней они со своими лошадьми довольствовались за счет крестьян. Такая репрессивная мера, как посылка в непокорное село военной команды на полное довольствие за счет населения, применялась тогда очень часто и называлась «военной экзекуцией».

Так же действовал исправник в Ключах, Троицком и Полибине, куда он приезжал в сопровождении 50 казаков и несколько дней довольствовался со всеми людьми и лошадьми. В этих селах, как и в Гундоровке, происходили порки и аресты.

Исправник доносил кроме того о волнениях во многих других селах и деревнях Бугурусланского уезда: в Дмитриевке, Жедрине, Натальине, Никольском, Архангельском, Исакове, куда вызывали даже роту резервного батальона из Самары. Довольно значительная сумма (240 руб.) — стоимость провоза этой команды на подводах от Самары до Исакова и обратно — была целиком взыскана с исаковских крестьян.**

* Фонд самарского губернского по крестьянским делам присутствия, дело № 31-а.

** Там же.

Сам исправник в своих донесениях признавал, что волнения в Жедрине и Никольском были вызваны тяжелым положением крестьян. В предыдущем году был неурожай, а хлеб из запасных магазинов был по распоряжению помещика израсходован. В имении помещика Кроткова — Архангельском крепостные рабочие суконной фабрики два года не получали жалованья, а запасов хлеба не было, так же как в Никольском и Жедрине.

Естественно, что при таких условиях крестьяне отказывались от барщины и от всяких соглашений с помещиками, которые довели их до такого положения.

На первых порах после объявления манифеста крестьянские выступления в большинстве случаев выражались в отказе крестьян продолжать работу на барщине. В дальнейшем, когда мировые посредники стали вводить уставные грамоты, они почти повсеместно встретили упорное сопротивление крестьян.

Редко удавалось мировым посредникам добиться от крестьян добровольного принятия уставных грамот, большинство этих грамот было введено принудительным порядком.

Для того чтобы уставная грамота считалась введенной и получила законную силу, необходимы были только два условия: 1) соблюдение в ней всех правил о размерах наделов и повинностей крестьян, 2) согласие помещика, если грамота была составлена мировым посредником, а не самим помещиком. Крестьянам предоставлялось право делать через своих уполномоченных только «законные» возражения против уставной грамоты, в которых указывалось бы на нарушение какой-либо статьи Положения. Отказ принять уставную грамоту без «законных» возражений расценивался как сопротивление власти, и крестьяне неизменно подвергались репрессиям.

По Положению для введения уставной грамоты

необходима была ее «поверка», производившаяся мировым посредником и заключавшаяся в чтении и разъяснении ее перед сходом. От крестьянского общества требовалось избрание уполномоченных, которые подписывали акт поверки. Но часто крестьяне отказывались выбирать таких уполномоченных. Мировой посредник Бугульминского уезда писал, что когда он на сходе в селе Богоявленском (имение помещика Рычкова) потребовал от крестьян выбора уполномоченных для принятия грамоты, крестьяне «по предварительной между собой стачке» наотрез от этого отказались.

Крестьянин Сидор Егоров заявил от имени всех, что они будут исполнять все требования помещика и работать на барщине, но уставной грамоты не желают, так как через два года «государь даст им землю и без их настояния». За сопротивление несколько крестьян было подвергнуто порке, а «подстрекатели» Симонов и Кудрявин арестованы и сосланы в Астраханскую губернию.*

В селе Никольском (на Черемшане), Ставропольского уезда, мировой посредник Луцкий собрал сход для введения уставной грамоты. Когда посредник толковал статьи Положения, на основании которых была составлена грамота, крестьянин Алексей Бардин крикнул, обращаясь к сходу:

— Это положение не царское, а помещичье, нечего его слушать!

Несмотря на поднявшийся шум посредник прочитал грамоту и передал ее старосте. Толпа стала напирать на старосту.

— Брось, не бери грамоты! — кричали они.

— Не верьте посреднику!

* Фонд губернского по крестьянским делам присутствия, дело № 378.

— Не надо нам посредника и грамоты!

— Уйдем, ребята, нас обманывают, это положение написали господа.

Сход быстро разошелся. Крестьяне долго волновались, и туда выезжал сам губернатор.

Мировой посредник Колбецкий писал в губернское присутствие о распространившихся среди крестьян слухах, что вскоре будет издан еще царский манифест, по которому они получают «чистую волю со всей землей». Такой слух побуждал крестьян отказаться от уставных грамот и всяких соглашений с помещиками. Посредник предлагал расклеить в волостных правлениях разъяснение, чтобы крестьяне не ожидали другого манифеста. Губернское присутствие признало такую меру «неудобоисполнимой». Вскоре однако сам царь, принимая в августе 1861 года депутацию волостных старшин, сказал:

— Ко мне доходят слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будет, как та, которую я вам дал. Исполняйте, что требует закон и Положение. Трудитесь и работайте! Будьте послушны властям и помещикам!

Другой посредник Бугурусланского уезда, Еселев, писал в губернское присутствие, что «за последнее время (ноябрь 1861 года. — В. Л.) наблюдалось особенно часто стремление крестьян получить дарственный надел». Крестьяне считали, что «имеют право на получение такого надела и без согласия помещика». Мировому посреднику никак не удавалось убедить крестьян, что это возможно только с согласия помещика. Считая главным препятствием в своей деятельности «ложные толкования манифеста» различными «возмутителями», он просил принять против них самые строгие меры.

Как пример «вредной» деятельности толкователей манифеста посредник привел случай с коробейником,

крестьянином Владимирской губернии, Семеном Ивановым, который в Старом Нагаткине советовал не принимать уставной грамоты и требовать дарственного надела. Посредник рекомендовал установить наблюдение за всеми бродячими торговцами, которые, «переходя из селения в селение, как будто для торговли, в действительности могут преследовать совсем другие цели». Семен Иванов был арестован.*

То же самое наблюдалось и в других уездах. Мировой посредник Бузулукского уезда, Шишков, при попытке ввести уставную грамоту в селе Могутове встретил не менее решительное сопротивление крестьян. В своем донесении губернатору Шишков писал: «крестьяне объявили, что они пятидесятичной пропорции земли не желают и повинностей, следующих за этот надел, нести не могут и добавили, что $\frac{1}{4}$ надела помещик им обязан подарить на основании Положения».

Посреднику не удалось убедить крестьян. Губернатор командировал в Могутово жандармского капитана Кретковского с жандармами, снабдив его отношением к командиру резервного батальона в Бузулуке о высылке, в случае надобности, в Могутово военной команды.

Собрав крестьян на сход, Кретковский сначала пытался уговорить их. Не добившись успеха, он перешел к обычным средствам царской полиции: тут же на сходе были выпороты «главные виновники» — Прокофий Моисеев Чурбанов и сельский староста Наум Андреев. Волостной старшина Платон Старожилов был арестован и отправлен в бузулукскую тюрьму. Оба они, староста и старшина, были отрешены от своих должностей, а Старожилов после продолжительного тюремного заключения сослан. **

* Фонд самарского губернского по крестьянским делам присутствия, дело № 31-а.

** Там же, дело № 30.

В Могутове крестьяне до реформы пользовались лугами, лесом, и имели земли до 10 десятин на ревизскую душу мужского пола. Введение уставной грамоты должно было повлечь за собой отрезку в пользу помещика 1060 десятин. В данном случае отказ крестьян от полного надела и требование четвертного, дарственного надела были вызваны не только надеждой пользоваться в будущем более дешевой арендованной землей, но имели характер протеста против производившейся очень крупной отрезки крестьянских земель.

В виду того, что отказ крестьян от уставных грамот и даже от выбора уполномоченных был массовым явлением, главный комитет по крестьянскому делу в январе 1862 года вынес постановление, согласно которому мировым посредникам предоставлялось право ограничиваться «опросом крестьян и добросовестных соседственных селений в присутствии схода». Для того чтобы акт поверки имел законную силу, достаточно было подписи этих «добросовестных». В случае, если они отказывались подписать акт, грамота и сами добросовестные направлялись в мировой съезд, который утверждал грамоту, а на добросовестных налагал взыскание. Мировым посредникам предписывалось в случае решительного отказа принять копию уставной грамоты, хранить ее у себя или сдать в волостное правление до востребования крестьянским обществом, для которого она была составлена.

Весть о постановлении главного комитета разнеслась с необычайной быстротой. Результаты постановления, как об этом сообщало самарское губернское по крестьянским делам присутствие, выразились в том, что крестьяне некоторых имений сдали в волостные правления уже утвержденные уставные грамоты, против которых они в свое время пытались протестовать.

Считая такие последствия нового порядка введения уставных грамот «крайне вредными», губернское присутствие ходатайствовало «дозволить ему применение некоторых косвенных мер», в частности разрешить мировым посредникам, если они предвидят отказ крестьянского общества принять уставную грамоту, не собирая схода, вручить через полицию грамоту сельскому старосте.

Помещики из губернского присутствия надеялись, что от полиции крестьяне будут принимать уставные грамоты без возражений, так как они «привыкли видеть в ней проводник и орудие распоряжений, идущих от правительства и не допускающих ни оспаривания, ни сопротивления».*

Неизвестно, обсуждалось ли в главном комитете это ходатайство самарских помещиков, во всяком случае порядок введения уставных грамот остался таким, каким он определялся в январском постановлении главного комитета. Мировые посредники заранее брали с собой «добросовестных» из соседних сел государственных или удельных крестьян, которые не могли отказаться подписать акт поверки, так как им за это грозило наказание. Не обращая внимания на протесты крестьян, посредники зачитывали на сходе уставные грамоты, писали акты, в которых неизменно отмечалось, что «законных» возражений крестьянами заявлено не было, и грамота считалась введенной.

Из этого документа самарского губернского по крестьянским делам присутствия, составленного Самариным, можно заключить, насколько даже «либералы» были проникнуты сугубо крепостническими взглядами на крестьянство и методы управления им. Самарин утверждал, что для крестьян «единственным и

* Соч. Ю. Ф. Самарина, т. IV, стр. 419—424.

несомненным доказательством» является принуждение «мерами полицейского взыскания», т. е. посредством порки, арестов и отдачи под суд. Иначе при их «глубоком недоверии ко всему писанному и печатному крестьян нельзя убедить в подлинности какого-либо распоряжения власти».

В Симбирской губернии крестьян «освобождали» так же, как и в Самарской, при помощи розог и нагаек. Командированный для объявления манифеста в Симбирскую губернию царский флигель-адъютант Эссен в своих донесениях царю писал, что «в Симбирской губернии, в уездах Сенгилеевском, Буинском, Симбирском и Карсунском волнения крестьян проявились с началом полевых работ, от исполнения коих они отказывались». Следовательно, и в Симбирской губернии первые волнения крестьян выражались в отказе от барщины, которая, вполне естественно, казалась им несовместимой с объявленной отменой крепостного права.

«Беспорядки» по сообщению Эссена получили наибольшее развитие в селе Шигонах, Сенгилеевского уезда, где крестьяне заявили, что они теперь «вольные» и «кроме бога и царя никаких властей не признают».

«Главным возмутителем» здесь был крестьянин Трухлов. Он разъяснял, что «крестьяне, как вольные, не обязаны повиноваться помещикам и на них работать». Видя упорство Трухлова и его влияние на крестьян, Эссен запросил разрешения судить его «для примера» военным судом. Для подавления волнения в Шигоны были вызваны четыре роты солдат. Трухлов был приговорен к наказанию шпицрутенами — «через 100 человек 8 раз» — т. е. к 800 ударам, и к ссылке на каторгу на 6 лет с наложением клейма. Для устрашения других наказание Трухлова производилось публично на сходе крестьян, в присутствии понятых, собранных из окрестных сел.

О зверском истязании Трухлова Эссен самодовольно сообщал, что оно «произвело особенное влияние на сохранение порядка и спокойствия в Сенгилеевском уезде». Тот же самый прием публичного наказания в присутствии понятых из окрестных селений Эссен применял и в других случаях «успокоения крестьян».

Начальство и полиция старались сломить сопротивление крестьян полицейскими репрессиями: поркой, арестами и ссылкой. В более серьезных случаях вызывались военные команды. По подсчетам, произведенным офицером генерального штаба Липинским на основании дел штаба 6-й резервной пехотной дивизии, находившейся в Симбирской губернии в 1861—1863 годах, вооруженные команды вызывались 21 раз. Эти вызовы распределялись следующим образом: в Симбирский уезд — 6 вызовов, в Сенгилеевский — 2, в Сызранский — 4, в Карсунский — 2, в Буинский — 5, в Курмышский — один и в Ардатовский — один вызов. По годам вызовы военных команд распределялись так: в 1861 году — 9 вызовов, в 1862 — 10 и в 1863 году — 2 вызова.*

Сведения Липинского явно неполны: описанное Эсеном подавление крупного крестьянского выступления в Шигонах, производившееся в 1861 году при

* В «Материалах для географии и статистики России» (изд. 1868 г.), где опубликованы собранные Липинским сведения, перечислены следующие села: Симбирского уезда за 1861 г. — Опалиха, Арское; за 1862 г. — Языково, Малый Урень и Арское; за 1863 г. — Шумовка; Сызранского уезда за 1861 г. — Б. Репьевка, Шереметьево, Головино, Лаишевка; за 1862 г. — Часы, Селитьба, Казаковка, Тайдаково; Буинского уезда за 1861 г. — Козловка, Киять, Ивашевка, Шатрашаны, Перетяжкино, Недремаловка; Сенгилеевского уезда за 1862 г. — Шигоны, Кротково; Карсунского уезда за 1862 г. — Станичное и Сосновка; Курмышского уезда за 1862 г. — Левашевка, Михайловка, Сашино; Ардатовского уезда за 1863 г. — Шеин Майдан.

помощи четырех рот солдат, в цифрах Липинского не фигурирует.

Несмотря однако на неполноту сведений Липинского из них видно, что в 1862 году, в самый разгар введения уставных грамот, крестьянских волнений было больше, чем в 1861 году, когда они преимущественно выражались в протесте против барщины и отказе от нее.

Отказ крестьян принимать уставные грамоты был в Симбирской губернии массовым явлением, и введение этих грамот производилось в принудительном порядке. Об этом свидетельствуют встречающиеся в «журналах» симбирского губернского по крестьянским делам присутствия многочисленные запросы мировых посредников разных уездов о том, как им поступить в случае отказа крестьян принять уставную грамоту и даже выбрать уполномоченных для ее проверки.

Недоверие к объявленному и ожидание нового манифеста «с чистой волей и всей землей без выкупа» были также распространены и среди крестьян Симбирской губернии. О том, что эти настроения в крестьянских массах держались долго и упорно, свидетельствует напечатанное 4 августа 1862 года в № 31 «Симбирских губернских ведомостей» «Слово ко временно-обязанным крестьянам» какого-то «недостойного пастыря».

Этот любопытный образчик «духовного красноречия» начинается рассуждениями о том, что означают слова «свобода и воля». «Недостойный пастырь» разъясняет своей пастве, что «свобода» заключается в праве распоряжаться своей, а отнюдь не чужой собственностью. Ссылаясь на праотца Авраама, купившего землю у Ефрона за 400 дидрахм серебра, и на других ветхозаветных землевладельцев, автор старается доказать, что земельная собственность является «незыблемым» древнейшим институтом, освященным религией и многовековыми традициями. Подобно многим светским крепостникам он говорит, что когда до реформы помещик

отпускал крестьянина «на волю» без всякой земли, это считалось «благодеением». Теперь крестьян не только отпустили на волю, но «дали землю». За такое «величайшее благодеение» они должны быть вечно благодарны. В заключение он поучает крестьян «не желать чужого, не ожидать «другой воли», а с благодарностью принимать то, что им дают, не отказываясь от уставных грамот и соглашений с помещиками о выкупе наделов.

Поучения «недостойного пастыря» не помогли. Сопротивление крестьян вопреки военным командам, розгам, арестам и ссылкам продолжалось еще долго.

Уже в 1865 году курмышский уездный исправник Руднев и мировой посредник Пантусов в своих донесениях сообщали, что крестьяне деревень Жукова и Дурасова были наряжены на работу в имение помещика Лютер для погашения накопившейся за ними недоимки по выкупным платежам. Крестьяне «оказали неповиновение» волостному старшине, а затем самому посреднику, приехавшему к ним с приставом. После этого мировой посредник вторично явился к ним уже с исправником. Однако и вмешательство исправника не подействовало. Крестьяне отказались идти на работу, так как не признавали за собой долга своей прежней помещице Маньковской, «представившей их на обязательный выкуп без их согласия». От отведенной им земли крестьяне отказывались, так как «по бедности не могли платить за нее выкуп». Ни под ржаной, ни под яровой посев они эту землю не пахали и хотели получить дарственный, или «сиротский» надел.

Главными зачинщиками неповиновения исправник считал Ивана Тихонова и Степана Гаврилова, которые вместе ходили в Петербург к царю просить о дарственном наделе. «За возмущение крестьян» они уже были осуждены уездным судом и отсидели в тюрьме положенный срок. Исправник арестовал их тут же на сходе,

но они и после этого продолжали уговаривать крестьян не уступать. Исправник и посредник уехали, ничего от крестьян не добившись. Только при помощи военной команды им удалось заставить крестьян подчиниться. *

Таким образом не только в 1861—1863 годах, но даже значительно позднее сопротивление крестьян было местами еще настолько упорно, что властям приходилось прибегать к помощи военной силы.

«Устройство» удельных и государственных крестьян

По закону от 26 июня 1863 года «О поземельном устройстве удельных крестьян» последним в надел отводилось столько земли, сколько числилось по «табелям», на основании которых с них брали поземельный сбор. Во многих селах Самарской и Симбирской губерний удельные крестьяне до реформы пользовались большим количеством земли, чем значилось в этих «табелях». В таких случаях «излишки» отрезались в пользу удельного ведомства, которое кроме того оставляло за собой все лесные дачи и оброчные статьи (участки, сдававшиеся в аренду).

В ряде сел Самарской и Симбирской губерний отрезки от земель, принадлежавших удельным крестьянам, были очень значительны.

Удельные крестьяне сразу же после определения их новых земельных наделов были переведены в обязательном порядке на выкуп и считались с этого момента «крестьянами-собственниками». Ежегодные платежи должны были в течение 49 лет погасить выкупную стоимость надела.

Составители закона решили сохранить для удельных

* Фонд канцелярии симбирского губернатора, дело № 254.

крестьян прежний размер платежей, переименовав эти платежи в выкупные. Таким образом в тех селах, где производились отрезки земли, крестьянам пришлось вносить за уменьшенные наделы приблизительно прежние суммы платежей, что вызвало справедливое возмущение крестьян.

Во многих селах удельных крестьян происходили серьезные волнения. Крестьяне решительно сопротивлялись введению уставных грамот. Уговоры мировых посредников не помогали, и им приходилось обращаться за помощью к полиции.

В Самарской губернии волнения удельных крестьян начались в марте 1864 года в Каменской волости, Николаевского уезда, где крестьяне требовали для себя дарственного, четвертного надела. Бурные сходки происходили и в других волостях губернии. На этих сходках крестьяне выражали опасения, что назначаемые по уставным грамотам платежи будут впоследствии увеличены. Сами уставные грамоты и вводившие их мировые посредники, натворившие уже столько бед в селах бывших крепостных, вызывали недоверие к себе со стороны удельных крестьян.

Волнения вскоре охватили почти все удельные села в центральной части Самарского и во всем Ставропольском уезде. Среди крестьян были распространены слухи, что закон от 26 июня 1863 года — «министерский», кабальный, которому не следует подчиняться, так как вскоре поступит «настоящий — царский». Крестьяне верили, что существует указ об отводе им даром «царской десятины», причем эта десятина должна обладать необычайно большими размерами.

Несмотря на различие в экономическом и правовом положении удельных и крепостных крестьян перед реформой причины и характер волнений удельных крестьян были те же, что у бывших крепостных: удельные крестьяне отказывались принимать уставные

грамоты, требовали дарственного, или «сиротского» надела без выкупа, среди них ходили такие же слухи, распространялись такие же «ложные толкования» Положения.

Волнения удельных крестьян Самарской и Симбирской губерний были также проявлением борьбы против выкупных платежей, против уменьшения наделов, против всех остатков крепостничества. Крестьяне не только отказывались от уставных грамот и всяких соглашений с удельным ведомством, они также массами стремились записаться в мещане или в казаки. Во многих местах поля оставались незапаханными и незасеянными.*

В ноябре 1864 года для подавления крестьянских волнений был командирован в Самарскую губернию генерал-майор царской свиты граф Бобринский. С его приездом мировые посредники усиленно принялись за введение уставных грамот в удельных селах. Встретив во многих из них упорное сопротивление, посредники старались сломить его полицейскими мерами. Однако ввести уставные грамоты во всех удельных селах властям удалось только к концу 1865 года.

В большинстве удельных селений Самарской губернии уставные грамоты были введены принудительным порядком. Вот как описывает в своем донесении от 12 августа 1864 года мировой посредник Ставропольского уезда проверку уставной грамоты в Сухих Авралях

«Проверка произведена при сторонних добросовестных с. Новой Бинарадки, так как крестьяне с. Сухие Аврали уполномоченных избрать отказались. Уставная грамота была прочитана на сходе и, как оказавшаяся согласной с законоположениями и на нее за-

* «История уделов за столетие их существования—1797—1897 гг.», т. II, изд. Главного управления уделов, 1901 г., стр. 551—552.

конных возражений крестьяне и добросовестные не изъявили, введена в действие».

Акт поверки и копию грамоты сельский сход отказался принять, поэтому документы были переданы посредником в Пискальское волостное правление.*

Донесение такого же содержания прислал в губернское по крестьянским делам присутствие посредник Самарского уезда из села Курумоч. Там крестьяне также отказались от выбора уполномоченных и принятия грамоты. Поверка была произведена при помощи «сторонних добросовестных».** То же самое происходило в целом ряде других сел.

В некоторых селах бывшие удельные крестьяне после принудительного введения уставных грамот упорно отказывались вносить выкупные платежи.

30 октября 1865 года мировой посредник Николаевского уезда писал в своем донесении, что «за Балаковской волостью числится оброчная недоимка в 5599 р., из этой недоимки 3064 р. падает на село бывш. удельных крестьян Криволучье (833 души). Крестьяне отговариваются несостоятельностью и прекратили платежи. На самом деле не платят вследствие настроения некоторых своих односельцев, толкующих неправильно Положение, а также вследствие слухов о новом царском Положении. Чтобы пополнить недоимку, я сделал сношение с уездным полицейским управлением для описи крестьянского имущества».

Мировой посредник, чтобы предупредить «серьезные последствия», просил принять решительные меры против крестьян. Крестьянина Бориса Николаева, как «зачинщика», замеченного в неправильном толковании закона, он считал необходимым сослать. Губернское присутствие вынесло постановление — привлечь крестья-

* Фонд самарского губернского по крестьянским делам присутствия, дело № 712.

** Там же, дело № 715.

янина Бориса Николаева к судебной ответственности «за подстрекательство». Мировому посреднику было поручено разъяснить крестьянам закон от 26 июня 1863 года и «принять все указанные законом меры ко взысканию недоимки».*

29 января 1866 года другой посредник Николаевского уезда писал о положении в Каменской волости:

«Сего числа, явясь ко мне, бывшие удельные крестьяне с. Каменки: Кузьма Палкин, Евдоким Тощев, Сергей Одинокоев, Иван Моисеев, Давыд Дударов, Феохтист Одинокоев, Андрей Михайлов, Яков Кукарин, Григорий Акимов, Павел Кононов, Перфил Пантенин и Артамон Шишкин объявили, что выкупных платежей за вторую половину 1865 года не уплатили и впредь платить не будут. Из них первые три за возмущение по этому предмету каменского общества выдержаны уже в тюремном замке в 1864 и 1865 годах. Сколько ни старался я растолковать крестьянам, что они за свое сопротивление будут наказаны, они остались при своем мнении».

Мировой посредник «препроводил» всех 12 человек к уездному исправнику: первых трех «для заключения в тюремный замок», а остальных «для наказания розгами при полиции». Однако и эти меры не подействовали. В следующем своем донесении тот же посредник сообщал, что когда он 31 января приехал в Каменку, то Кузьма Носов, Илья Канаев и еще восемь крестьян, среди которых оказалась «вдова Акулина Шитова», явились к нему в качестве депутатов от села и решительным образом заявили, что выкупных платежей они вносить не желают. Даже после «внушений» посредника «они остались упорными», поэтому Кузьма Носов, который сидел уже в тюрьме в 1864 и 1865 годах «за возмущение крестьян», и Илья Канаев,

* Там же, дело № 784.

«упорствовавший и расстраивавший крестьян более других», были отправлены в тюрьму. Остальных депутатов препроводили к исправнику «для задержания при полиции до распоряжения». Несмотря на такие решительные меры мировой посредник ничего от крестьян не добился. Свою неудачу он объяснял близостью Каменки к городу, «где крестьяне легко могут встретить злонамеренных истолкователей положения».

Николаевский уездный исправник в своих рапортах от 6 и 21 марта 1866 года писал о настроении удельных крестьян в Каменской и Балаковской волостях:

«Крестьяне с. Каменки по превратному толкованию положения с начала 1864 года оказывают сопротивление. Уставная грамота была введена полицией при строгих административных внушениях. Выкупные платежи взыскиваются принудительным путем через ту же полицию. Крестьяне все еще не потеряли надежды получить дарственный надел, о чем подавал в 1864 году прошение царю их уполномоченный Афанасий Пещерский».

Когда исправник убеждал сидевших в тюрьме каменских крестьян прекратить бесполезное сопротивление, они ответили, что до тех пор не будут вносить выкупных платежей, пока не получат от самого царя «разрешение» на их просьбу, поданную Пещерским. Просьба эта, врученная одному из царских флигель-адъютантов, была передана в министерство внутренних дел, которое ответило отказом. Решение министерства было объявлено крестьянам, но они требовали ответа от самого царя. Пещерского, сидевшего в николаевской тюрьме и, повидимому, продолжавшего поддерживать связь с селом, исправник просил переслать в отдаленную тюрьму. Пещерский был сослан в административном порядке на два года в Вятскую, а потом в Архангельскую губернию.

В Красном Яре уставная грамота была введена только 27 октября 1865 года. Крестьяне, так же как в Каменке, отказывались принять грамоту и вносить выкупные платежи. Они указывали на неудобства отведенного им надела и на отобрание у них лучших угодий, лугов и лесов в пользу удельного ведомства.

Исправник писал, что вообще в Балаковской и Каменской волостях выкупные платежи удастся взysкивать «только благодаря строгим принудительным мерам». Самый вредный, по его выражению, пример подают другим селам крестьяне сел Криволучья и Перекопной Луки. Не считая целесообразным вызывать военную команду, исправник просил однако прислать ему в помощь жандармского офицера и 4—5 жандармов и предписать мировым посредникам действовать с ними сообща. С такой помощью он надеялся «привести крестьян к повиновению».

В 1867 году крестьяне Красного Яра снарядили двух уполномоченных — Рубцова и Мартынова — к царю с просьбой дать им четвертной надел и избавить от выкупных платежей. По возвращении из Петербурга, где им удалось вручить свое прошение одному из флигель-адъютантов царской свиты, крестьянские уполномоченные были арестованы исправником и отправлены в Самару.

До конца 1867 года несмотря на все репрессии крестьяне Красного Яра не считали свое дело окончательно проигранным и продолжали оказывать сопротивление. Чтобы добиться от крестьян очередного взноса выкупных платежей, полиция применяла «исправительные меры».*

В Симбирской губернии удельные крестьяне многих

* Фонд самарского губернского по крестьянским делам присутствия, дело № 784.

сел также упорно не принимали уставных грамот, особенно там, где производились отрезки земель, которыми они пользовались до реформы.

В татарской деревне Утямышеве, Симбирского уезда, крестьяне решительно заявили посреднику, что никакой грамоты не желают, а хотят жить, как жили деды «до удела» (т. е. до 1835 года, когда почти все государственные крестьяне Симбирской губернии были переданы в удельное ведомство. — В. Л.).

Мировой посредник тщетно пытался через переводчика уговорить крестьян подчиниться и принять грамоту. В донесении от 12 июня 1865 года о своей неудачной попытке ввести уставную грамоту в Утямышеве он предлагал «для пользы и спокойствия общества» сослать двух «главных зачинщиков» — Хамита Сагитова и Рехметуллу Сабитова — и наказать розгами еще трех человек, проявивших себя наиболее активными противниками принятия уставной грамоты.

Как видно из рапорта исправника от 26 июня 1865 года, ему и посреднику пришлось в этой деревне принудительно ввести уставную грамоту, причем двое «главных виновников неповиновения» были наказаны розгами и арестованы, после чего в деревне по выражению исправника «воцарилось спокойствие».

Более серьезное сопротивление при введении уставных грамот оказали удельные крестьяне Сенгилея и села Буерак (близ Сенгилея). У этих крестьян сохранились какие-то старинные документы, и они собирались послать ходяков хлопотать, чтобы на основании этих документов земля, которой они пользовались, была им передана в собственность.

15 мая 1865 года мировой посредник вместе с «депутатом с удельной стороны» и «добросовестными» — тремя крестьянами села Каранина — собрал сельский сход удельных крестьян Сенгилея в помещении волостного правления для введения уставной грамоты.

Пока посредник разъяснял закон, крестьяне слушали. Когда же он захотел прочитать уставную грамоту, они покинули волостное правление и разбежались по домам. Введение или «поверка» уставной грамоты не состоялась. В следующий раз посредник явился уже вместе с исправником, который захватил с собой 20 казаков. Казаки загнали крестьян в волостное правление. Однако, запертые в помещении, они так шумели и кричали, что мировому посреднику и на этот раз не удалось прочитать уставную грамоту.

В селе Буераках, куда посредник и исправник явились с теми же 20 казаками, крестьяне были настроены по-боевому. Когда исправник приказал казакам арестовать «зачинщиков неповиновения» — Степана Федорова, Тимофея Филиппова, Григория Макарова, Карпа Сидорова и Харитона Федорова, крестьяне оказали сопротивление.

Исправник писал в рапорте губернатору, что «даже женщины, перелезшие через плетень, бросались на казаков». Все арестованные были отбиты у казаков.

Исправник и посредник, оттесненные от казаков, поспешили ретироваться. Они добрались до своего экипажа и благополучно доехали до околицы, но ворота оказались закрытыми и около них уже собралась толпа крестьян, которая быстро увеличивалась. После долгих переговоров исправнику и посреднику удалось упросить крестьян выпустить их. Выехав наконец из села, они без оглядки покатили в Сенгилей. Вскоре явились оттуда снова, но уже в сопровождении более внушительной военной силы: кроме 20 казаков они захватили с собой 50 солдат из уездной команды. На этот раз им удалось устроить публичную порку нескольких крестьян, арестовать и отправить в Сенгилей всех «главных виновников возмущения» и ввести уставную грамоту.*

* Фонд канцелярии симбирского губернатора, дело № 256.

В некоторых селах Самарской и Симбирской губерний, особенно там, где сохранились старинные документы о пожаловании земли, или о «кортومه» (аренде) у прежних ее владельцев, башкир или калмыков, удельные крестьяне считали себя законными собственниками своих наделов. Обложение их до реформы оброчными платежами и поземельным сбором они всегда считали незаконным. Проведение реформы было использовано крестьянами для попытки восстановления своих законных прав на землю.

Слух о праве крестьян на получение земли без выкупа, о так называемой «царской», или «большой дарственной десятине» держался среди крестьян местами очень упорно. В марте 1868 года мировой посредник Симбирского уезда, Бестужев, доносил губернатору о том, что крестьянин Максим Чернов и отставной унтер-офицер Степан Андреев подбивают крестьян деревни Артюшкина подать просьбу «о перечислении их на дарственную десятину». Он сообщил, что крестьяне села Кременок по внушению Чернова уже подали такое прошение в главный комитет, а в настоящее время Чернов и Андреев хотят «подбить и другие села на подание таких же просьб и взволновать крестьян».

Губернатор поручил мировому посреднику немедленно объехать все соседние селения, разъясняя крестьянам закон. Объехав 9 сел и деревень, мировой посредник донес, что на некоторых сходах «крестьяне не совсем доверяют его толкованию». В Кременках крестьяне Архип Петров и Яков Иванов заявили от имени схода, что надела они никакого не желают, что «царь обещал им одну большую десятину», которую они и просят им дать.

В Артюшкине, как писал посредник, «несколько старых чуваш под внушением Чернова не совсем успокоились». В Ключищах крестьяне уже собрали

деньги на посылку ходоков в Петербург, но посреднику удалось убедить их отказаться от этого. После отъезда посредника в Ключищах появился грамотный отставной солдат и взялся написать крестьянам прошение, но был арестован.

Губернские власти, конечно, не ограничились разъяснением закона через мировых посредников: все «подстрекатели» были арестованы и сосланы в административном порядке в Вологодскую и Вятскую губернии. Некоторые из сосланных, как, например, Степан Андреев, умерли в ссылке. Только в 1881 году вернулись из ссылки крестьяне Кременок и Артюшкина — Василий Калякин, Максим Федоров и Степан Конихин.

Нами приведено только несколько примеров волнений удельных крестьян. В действительности таких выступлений происходило много, особенно в Самарской губернии.

Хотя землевладение удельных крестьян после реформы по России в целом несколько увеличилось, по Самарской же и Симбирской губерниям оно уменьшилось.

По данным департамента уделов в землепользовании удельных крестьян после реформы произошли следующие изменения: в Самарской губернии удельные крестьяне до реформы пользовались 921009 десятинами земли. Отрезано после реформы в пользу удельного ведомства 113194 десятины, или 12,3 процента. В Симбирской губернии удельные крестьяне имели до реформы 1068629 десятин, было отрезано 56681 десятина, или 5,3 процента.

По тем же данным средний для Самарской губернии размер надела удельных крестьян равнялся до реформы 7,7 десятины (в разных местностях губернии размеры наделов колебались от 4 до 12 десятин), а после реформы — 6,7 десятины, т. е. снизился на 12 с лишним процентов.

В Самарской губернии, как мы говорили выше, было много государственных крестьян (66,5 процента всех крестьян губернии), находившихся в ведении местных учреждений министерства государственных имуществ.

Государственным крестьянам по Положению от 24 ноября 1866 года отводились в надел все земли, находившиеся в их пользовании, однако с таким расчетом, чтобы размер надела не превышал 15 десятин на душу мужского пола в многоземельных губерниях и 8 десятин — в малоземельных. Государственные крестьяне получили также небольшие лесные участки, которых ни бывшие помещичьи, ни бывшие удельные крестьяне не имели. Оброчная подать, которую государственные крестьяне платили за землю, сохранила прежние размеры.

Таким образом реформа, которая сопровождалась жестоким ограблением бывших крепостных в пользу помещиков, существенных изменений в положение государственных крестьян не вносила. Даже самый документ, выдававшийся крестьянским обществам государственных крестьян на их наделы, назывался не уставной грамотой, а «владенной записью».

Государственные крестьяне, так же как бывшие удельные и перешедшие на выкуп крепостные, получили официальное наименование «крестьян-собственников». С 1886 года они стали вносить выкупные платежи: сумма прежней оброчной подати была увеличена на 45 процентов, а подушная подать была отменена.

В общем и после этого повышения выкупные платежи государственных крестьян за каждую десятину наделной земли были меньше, чем у бывших крепостных крестьян.

Заключение

В правовом и экономическом положении крестьян после реформы сохранилось множество пережитков крепостничества. «Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало, охальничало».*

Пережитки крепостничества ухудшали положение трудящихся. По данным земского статистического обследования еще в 80-х годах очень широко была распространена сдача помещиками земли в аренду за разные «отработки» или «исполу». В архивных документах сохранилось много данных о широком распространении в Самарской и Симбирской губерниях отработочной системы — этого «прямого переживания» барщины, как определил ее В. И. Ленин.

«В действительности, — писал В. И. Ленин, — обезземеление крестьян в 1861 году означало в большинстве случаев создание не свободного рабочего в капиталистическом производстве, а *кабального* (т.-е. фактически полукрепостного или даже почти крепостного) *арендатора* той же «барской», помещичьей земли. В действительности «наделы» 1861 года означали в большинстве случаев создание не свободного самостоятельного земледельца, а *прикрепление к земле кабального арендатора*, фактически вынужденного отбывать ту же барщину в форме обработки своим инвентарем помещичьей земли за выпас, за выгон, за луга, за необходимую пахотную землю и т. п.»**

Статистическое обследование, произведенное в 1877—1878 годах, дает нам некоторое представление о том,

* В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 109.

** Там же, стр. 94—95.

во что вылилась реформа в отношении крестьянского землевладения. Целые крестьянские общества вынуждены были сохранить за собой одни только усадьбы. Были общества, которые целиком перешли в мещанство и платили помещикам ежегодно даже за свои усадьбы. Особенно многочисленны были «дарственники», получившие надел, равный четвертой части нормального.

Реформа со своими грабительскими платежами и системой «наделения» крестьян землей способствовала расслоению крестьянства, создавая значительные группы малоземельных или безземельных крестьян и сохраняя у некоторых сравнительно крупные наделы.

После «освобождения» происходила усиленная концентрация землевладения и землепользования. Так, например, в Новоузенском уезде незначительная кучка крупных сельских богачей, составлявшая 1,8 процента всех дворов, владела 92,3 процента всей купчей земли, причем на один двор приходилось в среднем 1254 десятины.

Аренда земель крестьянами имела во всей Самарской губернии очень большое распространение. По Новоузенскому уезду 304514 десятин арендованной земли составляли более $\frac{2}{3}$ всей посевной площади крестьян, причем 69,7 процента арендованных земель было сосредоточено в руках капиталистов-крестьян.

С другой стороны, существовала многочисленная группа крестьян, у которых продажа рабочей силы являлась главным источником существования, а мизерные посевы и ничтожное количество скота (большинство хозяйств этой группы совсем не имело скота) — только некоторым подспорьем.

«Помещики выжимали последние соки из отсталого крестьянского хозяйства различными грабительскими способами (аренда, штрафы). Основная масса крестьян-

ства из-за гнета помещиков не могла улучшать свое хозяйство. Отсюда крайняя отсталость сельского хозяйства в дореволюционной России, приводившая к частым неурожаям и голодовкам.

Остатки крепостнического хозяйства, громадные подати и выкупные платежи помещикам, которые нередко превышали доходность крестьянского хозяйства, вызвали разорение, обнищание крестьянских масс, заставляли крестьян уходить из деревень в поисках заработка. Они шли на фабрики и заводы. Фабриканты получали дешевую рабочую силу».*

Расслоение крестьянства — разделение на сельскую буржуазию, или сельских предпринимателей, и сельский пролетариат — происходило как в Самарской, так и в Симбирской губерниях.

Пережитки крепостничества сохранились в большей степени среди бывших крепостных крестьян, которых реформа отдала в кабалу к тем же помещикам. Поэтому в Симбирской губернии, в которой было много дворянских помещичьих имений и много бывших крепостных крестьян, капиталистические отношения развивались медленнее и менее свободно, чем в Самарской, где после реформы на громадных пространствах местами еще девственного чернозема разрослись чисто капиталистические хозяйства.

Земское статистическое обследование 1885—1889 годов отмечает много купеческих, мещанских и крестьянских хозяйств, имевших громадные запашки на купленной или арендованной земле. В. И. Ленин приводит выдержку из «Сводного сборника» по Самарской губернии, в которой говорится, что запашки некоторых южных купеческих и крестьянских хозяйств «...в 3—6 тысяч десятин — не редкость, а некоторые практикуют посевы и до 8—10—15 тысяч казенных

* Краткий курс истории ВКП(б), стр. 6.

десятин, при аренде нескольких десятков тысяч казенной земли».*

К числу таких хозяйств относились хутора и имения известных самарских купцов-миллионеров Шихобалова, Курлина, Соколова, Аржанова и других, которые на этих хуторах, на скупке за бесценнок гуртов скота у кочевников — башкир и казахов, — на хлебной торговле и на мукомольных мельницах нажили миллионы. Наряду с этим безземельных дворов в губернии насчитывалось тогда 21624, а безлошадных и однолошадных вместе — 110604 семьи с 600 тыс. душ обоего пола.

«Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России». Несмотря однако на это «...падение крепостного права, — писал В. И. Ленин, — встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу».**

В октябре 1917 года трудящиеся крестьяне под руководством рабочего класса, во главе с партией большевиков, избавились наконец как от гнета царизма и капитализма, так и от всех пережитков проклятого крепостничества.

* В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 59.

** Там же, т. XV, стр. 100.

11. 11. 1911
11. 11. 1911
11. 11. 1911

up. 2010

1 р. 40 к.

Кр.